

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р. на полг. 3 р.
Отд. №№ продаются по 30 к.
Объявл.—20 к. со стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

Кабинетская, д. № 12.

Личн. объясн. по вторникамъ отъ 3—5 дня.
Рукописи, доставл. безъ обознач. говорара,
считаются бесплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

и Искусство

1897 г. 1-й годъ изданія.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 4-го Мая.

СОДЕРЖАНИЕ: Перемены въ дирекціи консерваторіи.—«Власть Тьмы», какъ драматическое произведение. I. А. Купеля.—Къ вопросу о поѣздкахъ Императорскихъ артистовъ. Т. Н. Семанова.—Нѣмецкіе драматурги.—Хроника театра и искусства.—Московскія письма. В. Пр—скаго.—Разговоръ. А. Дьянова.—Заграницею.—Списокъ драм. произвед., разрѣ-

№ 18.

шенныхъ цензурою.—Провинціальная лѣтопись.—Объявленія—Рисунки: Нѣмецкіе драматурги у себя (3 р.). Портреты: А. Г. Оголейтъ, г-жи Мелодистъ, А. А. Чижевской и Ю. И. Югансонъ.

Литературно-драматич. отдѣлъ.—«Влюбленная», Марко Прага, пер. съ итальянскаго Э. Латернера.

За перемѣну адреса городского на многогородный и многогороднаго на городской уплачивается 60 коп., за перемѣну городского на городской и многогороднаго на многогородный—25 коп. Деньги можно высылать почтовыми марками.

1 Юня истекаетъ срокъ третьяго взноса для подписчиковъ, пользующихся разсрочкою. Во избѣжаніе перерыва, контора увѣдительно проситъ поспѣшить высылкою денегъ.

С.-Петербургъ, 4-го мая.

Директоръ петербургской консерваторіи г. Югансонъ покидаетъ свой постъ. Г. Югансонъ посвятилъ нашему высшему разсаднику музыкальнаго образованія много лѣтъ упорнаго и добросовѣстнаго труда. Будучи выдающимся теоретикомъ, г. Югансонъ въ должности директора консерваторіи не обнаружилъ, правда, ни тѣхъ административныхъ способностей, ни той желѣзной энергіи, которыми отличался незабвенный Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ. Скромный кабинетный труженникъ, г. Югансонъ не былъ созданъ для широкой инициативы и кипучей общественной дѣятельности. Но у него было одно качество, котороенискало ему общее уваженіе и за которое слѣдуетъ помянуть его добрымъ словомъ. Эта черта—безпартийность.

Ни одна сфера не открываетъ столь широкаго простора индивидуализму, какъ поприще искусства. Этотъ просторъ составляетъ драгоцѣннѣйшее жизненное начало искусства. его стихію, его зидительный и творческій элементъ. Только въ условіяхъ свободы, обеспечивающей всестороннее проявленіе человѣческаго духа, зарождаются, крѣпятся и развивается талантъ—важнѣйшій двигатель ис-

кусства. Но индивидуализмъ, способствующій развитію творческихъ силъ, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ толчокъ личнымъ стремленіямъ, искусственно воспитываетъ и поддерживаетъ духъ тщеславія, разнузываетъ личныя страсти. Благодаря этому, нигдѣ не открывается столь широкая арена для игры самолюбій, какъ на сценѣ искусства. Только глубокая добросовѣстность, воспитанная въ духѣ подчиненія высшимъ общественнымъ интересамъ, и крупный талантъ, отличительною чертою котораго неизмѣнно является терпимость и уваженіе ко всякимъ проблескамъ дарованія, способны сохранить нравственное и духовное равновѣсіе въ этой борьбѣ страстей, тщеславія и самолюбій. Г. Югансонъ принадлежалъ къ той именно категоріи людей, которые, благодаря развитому самосознанію и чувству долга, умѣютъ сохранять нравственную независимость и духъ справедливости среди самыхъ сложныхъ и противоположныхъ теченій. Въ этомъ его несомнѣнная и крупная заслуга.

Слѣдуетъ замѣтить, что петербургская консерваторія, благодаря своему исключительному положенію, имѣетъ огромное вліяніе на направленіе музыкальной жизни не въ одной только нашей столицѣ. Консерваторія кладетъ художественную печать на множество музыкальных дѣятелей, разносящихъ усвоенные имъ принципы и взгляды на музыкальныя задачи по лицу всей Русской земли. Консерваторія даетъ тонъ концертной дѣятельности, сообщаетъ перевѣсъ однимъ музыкальнымъ теченіямъ или оказываетъ противовѣсъ другимъ. При такомъ вліятельномъ положеніи чрезвычайно важно, чтобы въ дѣятельность нашей консерваторіи не вѣдрился духъ партийности и кружковщины. Консерваторія должна быть только разсадникомъ музыкальных знаній, одинаково объемлющимъ всѣ музыкальныя

направленія и теченія. Консерваторія, преслѣдуя истинно образовательныя задачи, должна стоять выше преходящихъ теорій или узкихъ увлеченій. Мы съ особенною силою подчеркиваемъ эту сторону задачъ консерваторіи, потому что безпартійности составляетъ одно изъ важнѣйшихъ условій жизнеспособности и внутреннего преемственнаго научно-образовательнаго учрежденія.

Кандидатами на постъ директора консерваторіи называютъ гг. Сафонова, Кюн, Римскаго-Корсакова, Ауэра и Соловьева.

Г. Сафоновъ, сдѣлавшись изъ третьестепеннаго преподавателя въ петербургской консерваторіи директоромъ московской, ничѣмъ себя до сихъ поръ не зарекомендовалъ. Какъ извѣстно, московская консерваторія находится нынѣ въ состояніи крайняго упадка.

Г. Кюн пользуется тройкою извѣстностью, какъ композиторъ, музыкальный рецензентъ и предсѣдатель петербургскаго отдѣленія Русскаго Музыкальнаго Общества. Строго говоря, г. Кюн заправскимъ композиторомъ и музыкантомъ никогда не былъ. Будучи, подобно Бородину, только дилегантомъ, онъ далеко не обладаетъ ни талантомъ покойнаго, ни его скромною добросовѣстностью. Какъ рецензентъ, г. Кюн является журнальнымъ конвоедомъ «могучей кучки», съ оногою, надеждою и украшеніемъ. Узко-односторонній, и такъ сказать, до запальчивости партійный, онъ служитъ типическимъ представителемъ нашего музыкальнаго ингилизма. Дѣятельность г. Кюн, какъ предсѣдателя петербургскаго отдѣленія Русскаго Музыкальнаго Общества, отмѣчена выходкою по отношенію ко всѣмъ дорогой памяти А. Рубинштейна. Добавимъ къ этому, что г. Кюн, вмѣстѣ съ г. Стасовымъ, неоднократно проповѣдывалъ, вообще, вредъ консерваторіи. Въ виду этого, можно думать, что кандидатура г. Кюн предложена больше въ цѣляхъ пропіи. Думаемъ также, что еслибы г. Кюн и оказался избраннымъ на постъ директора, то, оставаясь вѣрнымъ проповѣдуемымъ имъ взглядамъ, онъ не преминулъ бы отказаться, дабы не находиться во главѣ учрежденія, цѣль котораго представляется, на его взглядъ, вредною.

Г. Римскій-Корсаковъ—одинъ изъ тѣхъ почтенныхъ музыкальныхъ дѣятелей, имя которыхъ окружено всеобщимъ уваженіемъ. Но, по мягкости натуры, онъ, конечно, вскорѣ оказался бы орудіемъ партіи, которой онъ служитъ въ теченіи многихъ лѣтъ, такимъ искреннимъ и авторитетнымъ поборникомъ.

Г. Ауэръ пользуется европейскою славою, какъ выдающійся скрипачъ. Если принять во вниманіе, что во главѣ берлинской консерваторіи стоитъ также скрипачъ—Иоахимъ—то кандидатура г. Ауэра имѣетъ *raison d'être*.

Г. Соловьевъ—одинъ изъ лучшихъ нашихъ музыкальныхъ теоретиковъ. Симпатичный, привѣтливый, онъ, какъ профессоръ, пользуется среди слушателей консерваторіи широкою популярностью. Публикѣ г. Соловьевъ болѣе извѣстенъ какъ композиторъ и рецензентъ. Его оперы «Кузнецъ-Вакула» и «Кордеія» общезвѣстны. Какъ рецензентъ, г. Соловьевъ представляетъ образецъ осторожности и доброжелательности къ артистамъ и композиторамъ. По своему широкому образованію и добродушной натурѣ, г. Соловьевъ чуждъ всякой партійности. Вотъ почему, мы не можемъ желать нашей консерваторіи лучшаго директора, чѣмъ уважаемый Н. О. Соловьевъ.

„Власть Тьмы“, какъ драматическое произведеніе.

I.

Заглавіе настоящаго очерка выясняетъ его цѣль, задачу и содержаніе. Я далеко отъ мысли подвергнуть „Власть Тьмы“ всестороннему разбору. Это произведеніе вызвало столько вопросовъ и столько сужденій, что разборъ, претендующій на полноту, долженъ былъ бы разрастись въ цѣлую монографію. Притомъ я полагаю, что вдаваясь въ критическое изслѣдованіе „Власти Тьмы“ со стороны-ли литературной въ широкомъ смыслѣ слова, или бытовой, философской и проч., и едва-ли сумѣлъ бы пролить какой-нибудь свѣтъ на это, во всякомъ случаѣ, весьма крупное произведеніе. Но этимы причинами я рѣшилъ ограничить рамки очерка изслѣдованіемъ драматическихъ элементовъ „Власти Тьмы“ въ тѣсномъ смыслѣ, и оставаясь, насколько возможно, въ предѣлахъ эстетической и строго литературной критики, содѣйствовать уясненію особенностей драматическаго произведенія, вообще. Поэтому, если въ нижеслѣдующемъ будутъ уместны крайне важныя, съ точки зрѣнія словесника, упущенія, то да будутъ они отнесены столько же къ моимъ слабымъ силамъ, сколько и къ заранѣе принятому рѣшенію держаться жёныхъ и опредѣленныхъ границъ изслѣдованія.

Позволю себѣ, однако, замѣтить, что критическій разборъ литературнаго произведенія, въ особенности драматическаго, ограниченный видовыми его чертами, можетъ быть также весьма плодотворнымъ, и если произведеніе, подвергнутое противъ общахъ родовыхъ литературныхъ требованій, не можетъ быть совершеннонымъ съ точки зрѣнія его спеціальнаго вида, то точно такъ же, недостатки литературнаго вида указываютъ въ большей или меньшей степени на литературныя недостатки, вообще. Дурные стихи, будучи дурнымъ продуктомъ просодіи, обыкновенно являются и дурнымъ примѣромъ рѣчи. Плохая драма не можетъ считаться образцомъ словесности. Подобно тому, какъ судить о человѣкѣ, легче всего, разсматривая его въ спеціальныхъ сферахъ дѣятельности, точно такъ же возможно обличить методъ литературной критики, прилагая его къ произведенію не въ полномъ объемѣ, но лишь въ сферѣ его спеціальнаго предназначенія.

Тѣмъ, кто усмотрѣлъ бы въ этомъ педантизмъ, я замѣчу, что форма литературнаго произведенія такъ тѣсно связана съ его содержаніемъ, и болѣе того, содержаніе до такой степени обуславливаетъ форму, что ихъ нельзя ни отдѣльно мыслить, ни отдѣльно постигать. Художественное творчество тѣмъ и отличается отъ другихъ родовъ умственнаго труда, что предполагаетъ органическую слитность цѣли и выполненія, настроенія и мысли, образова и идеи. Только драматическая идея и драматическое отношеніе къ предмету могутъ привести къ созданію драмы. Только объективное безстрастіе можетъ породить эпосъ, и только живое личное настроеніе художника создастъ истинно лирическое произведеніе. Стало быть, драматическое отношеніе къ недраматическому предмету, или недраматическая идея, изображенная въ драматической формѣ, указываетъ не на случайное лишь, но на глубокое внутреннее замѣшательство художественныхъ процессовъ, и потому служатъ достаточнымъ доказательствомъ несовершенства даннаго произведенія, вообще.

Но что такое „драматическая идея“?

Въ общирномъ смыслѣ подъ драматическою идеею принято разумѣть всякую идею, которая возбуждаетъ

ть насъ печаль и состраданіе. Но это болѣе ходячее, нежели полное опредѣленіе сущности драматической идеи. Если отца семейства, идущаго по улицѣ, убьетъ сорвавшійся карнизъ, то безъ сомнѣнія, положеніе вдовы и дѣтей будетъ весьма прикормнымъ, и самая судьба убитаго трагической и возбуждающей нашу печаль и состраданіе, по драматической идеи здѣсь нѣтъ. Подобно этому, если негодникъ совершаетъ насилие надъ женщиною, поставивъ ее въ невозможность защищаться и уничтоживъ въ ней, подъ влияніемъ страха, некій проблескъ протеста, это будетъ весьма печальное происшествіе, но оно подлежитъ вѣдѣнію уголовной юстиціи, а не драматургіи. Но нестерпиво приобряетъ несомнѣнно драматическій характеръ, какъ только въ обезвещенной женщинѣ проснутся стыдъ, сознание позора, и возникнетъ цѣлый рядъ проникающихъ изъ факта, коллизій.

Подъ драматическою идеею слѣдуетъ разумѣть несомнѣнно идею борьбы и свободнаго самоопредѣленія. Вопросъ о свободѣ воли, вообще, принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ и значительныхъ проблемъ нашего духа, и мы напрасно пренебрегаемъ имъ при эстетической критикѣ. Художественное произведеніе, стремящееся къ проявленію идеала въ изображеніи жизни, неизбежно сталкивается съ проблемою о свободѣ воли. Несвобода воли, не въ формѣ закономѣрной причинности, но въ формѣ грубого „детерминизма“, т. е. отрицанія свободы руководствоваться мотивами и подчиняться велѣніямъ разума и сердца, несомнѣнно противна духу художественнаго произведенія въ такой же мѣрѣ, въ какой противна и духу жизни. Фатализмъ приводитъ къ инерціи, къ неподвижности, къ туману квіетизму, къ безразличному внутреннему созерцанію. Востокъ, пребывающій въ вѣрѣ и философіи фатализма, представляетъ именно такую картину застоя, и можетъ быть, именно благодаря этому, Востокъ не далъ намъ ни одного произведенія искусства, сколько нибудь приближающагося къ нашимъ требованіямъ и нашимъ представленіямъ. Въ нашемъ самосознаніи глубоко заложено чувство свободы. „Я могу дѣлать, что я хочу“. Это не значитъ, что мы пахнемся вѣтъ цѣны причинности. Это значитъ лишь, что мы считаемъ нашу волю—комбинацію неизвѣстныхъ или полунизвѣстныхъ намъ величинъ—въ числѣ факторовъ нашего поведенія. Не трудно видѣть, что если идея фаталистическаго характера можетъ привести къ созданію какого либо художественнаго произведенія, то только въ эпическомъ родѣ, и что, наоборотъ, драматическій родъ всецѣло покоится на признаніи свободы воли, т. е. внутренней борьбы, — но борьбы безцѣльной и какъ бы пассивной, а борьбы сознательной и активной. Не потому-ли, замѣчу мимоходомъ, драматическій родъ принадлежитъ къ числу позднѣйшихъ явленій? Ибо процессъ человеческого духа заключался, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ родственного намъ античнаго міра, именно въ постепенной его эмансипаціи отъ силъ сверхъестественныхъ, надчужденныхъ, поглощавшихъ свободу его духовной жизни. Когда судьба опредѣлялась, по мифіи первобытнаго человѣка, окружающими предметами—каменемъ, вѣтромъ, тѣсомъ, курганомъ, и во всемъ этомъ предполагались живыя дѣйствующія силы, которыхъ послушнымъ орудіемъ онъ являлся, то драматической идеѣ—идеѣ борьбы и активности, по преимуществу,—разумѣется, дѣлать было нечего. Первобытный человѣкъ могъ быть жертвой, страдальцемъ, испуганнымъ агнецомъ, но ни въ какомъ случаѣ не драматическимъ характеромъ.

Я предвижу одно возраженіе, которое, однако, на мой взглядъ, покоится на смѣшеніи понятій. Мнѣ

могутъ сказать, что въ античной драмѣ, которую мы все признаемъ образцомъ идеальной трагедіи, какъ-бы отрицается свобода самоопредѣленія, и все совершается именно такъ, какъ положено судьбой. Съ виду это возраженіе кажется дѣйствительно серьезнымъ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи, обращается въ ничто. Во-первыхъ, идея судьбы нисколько не отражалась на построеніи античной трагедіи, и во всякомъ случаѣ древняя трагедія не имѣла въ виду доказывать то, что почиталось общимъ убѣжденіемъ. Для примѣра, возьмемъ трагедію „Царь Эдипъ“, въ которой, казалось-бы, съ особенною силой выражается идея предопредѣленія или судьбы. Вся трагедія, однако, построена на томъ предположеніи, что царь Эдипъ добросовѣстно стремится къ раскрытію тайны, и въ этомъ именно заключается негодникъ страданій славнаго дѣйствующаго лица. Судьба древнегреческой трагедіи есть тотъ-же законъ причинности. Судьба означаетъ другими словами, что въ мѣрѣ нравственнаго, какъ и въ мѣрѣ матеріальнаго, ничто не пропадаетъ; что существуетъ законъ сохраненія силы; что содѣянное ничѣмъ не можетъ быть стерто. Судьба есть антична идея искупленія, и представляетъ идею религіознаго позитивизма и реальной психологіи.

Мы встречаемся съ инымъ совершенно толкованіемъ вопроса о самоопредѣленіи въ драмѣ „Власть Тьмы“. Драматическая идея „Власти Тьмы“ окрашена несомнѣнно фатализмомъ, и потому кажется мнѣ мало пригодной для истинной драмы. Идея эта выражена въ самомъ заглавіи пьесы: „Власть тьмы“ или „Кого-токъ увязъ, всей птички пропасть“. Это двойное заглавіе многихъ приводитъ въ смущеніе, и совершенно основательно. „Власть тьмы“, это—совокупность объективныхъ данныхъ, приводящихъ къ грѣху и преступленію. „Кого-токъ увязъ, всей птички пропасть“, наоборотъ, выдвигаетъ субъективную сторону. Въ понятіи „власти тьмы“, если его толковать буквально, заключено непримиримое противорѣчіе съ понятіемъ „кого-токъ увязъ, всей птички пропасть“. Одно изъ двухъ: или я завишу отъ тьмы, которая меня окружаетъ, или я завишу отъ тьмы, которая во мнѣ, или я попадаю отъ того, что меня гнететъ чья-то посторонняя власть, или я гибну отъ того, что не имѣю власти надъ своимъ порочнымъ существомъ. Здѣсь не равенство, а противорѣчіе, которое, очевидно, допустить нельзя въ такомъ художникѣ, какъ Левъ Толстой, и вотъ почему единственное объясненіе „власти тьмы“ должно быть сдѣлано не въ смыслѣ матеріальной, такъ сказать, тьмы, а въ смыслѣ духовной. Или иначе говори, что есть такая область нравственной тьмы, въ которую достаточно вступить для того, чтобы окончательно погрязнуть; что достаточно одного, хотя бы самаго незначительнаго шага въ сторону, противную „закону жизни“, какъ любить выражаться Левъ Толстой, для того, чтобы не замедлили дальнѣйшіе шаги и чтобы человѣкъ безповоротно погибъ въ грѣсѣхъ; что грѣхъ неизбежно растетъ и расширяется, и не потому, что человекъ слабѣетъ волею или осудѣваетъ нравственными началами, а потому, что въ грѣхѣ есть что-то роковое, ведущее къ гибели, какъ бы безсознательно и помимо воли грѣшника; что этотъ грѣхъ есть нѣкоторое подобіе дьявола, требующаго выполненія чашки грѣховности до краевъ, и что поэтому не перипетія паденія важны—неизбѣжные результаты сдѣлки съ грѣхомъ, а важенъ первый моментъ, когда душа запродала дьяволу.

Можно было бы многого сказать по поводу такого возрѣнія, объясняемаго, впрочемъ, тѣмъ, что по собственному признанію автора, „Власть Тьмы“ написана для народа и потому проникнута близкими

народу взглядами. Моя задача, однако, какъ я уже замѣтилъ, исключительно формальная, и я не вхожу въ разборъ существа дѣла. Для нашей дѣли вполне достаточно уяснить себѣ съ должною отчетливостью, что идея подобнаго порядка, проникнутая въ значительной мѣрѣ фатализмомъ, не въ состоянн дать истиннаго драматическаго движенія, т. е. свободнаго развитія характеровъ, событій и явленій изъ внутренней сущности взятаго положенія. Скажу больше: только истинникъ художника, который боролся съ ошибкой односторонне направленнаго ума, помѣшалъ автору еще болѣе ослабить драматическое впечатлѣнiе „Власти Тьмы“. Въ самомъ дѣлѣ, если существуетъ не эмпирическая, такъ сказать, нравственность, составляющая содержанiе нашего поведенія и разнообразяющая соответственно формамъ и направленiю жизни, а нѣкій таинственный, императивный „законъ жизни“, то чѣмъ безсвязнѣе, съ виду, отдѣльныя акты, вытекающiе изъ основнаго нарушенiя, тѣмъ авторитетнѣе выставляется влиянiе „закона жизни“. Тѣло падаетъ на землю, потому что его бросили, потому что оно сорвалось съ подставки, потому что нарушилось равновѣсiе, потому что налетѣлъ вихрь. Между всѣми этими явленiями нѣтъ ничего общаго, съ точки зрѣнiя непосредственныхъ мотивовъ. Но упало тѣло во всѣхъ этихъ случаяхъ вслѣдствiе одного и того же закона притяженiя. Точно такъ же и здѣсь. Если предположить, что обида, паническое Маринѣ, есть нарушенiе „закона жизни“, то чѣмъ дальше, въ смыслѣ органической связи, отстоятъ отъ этой обиды отравленiе Петра, полнзванiе его богатствомъ и дѣтубойство, тѣмъ очевиднѣе, что „законъ жизни“ есть законъ общiй, универсальный и всеобъемлющiй.

Акимъ.

Говорилъ я тебѣ, ты, про сироту, что обидѣлъ ты сироту, Марину, значитъ обидѣлъ.

Никита.

Этъ помнюль. Простарья дрожжи.— не помнилъ дважды, то дѣло прошло...

Акимъ (разгорячась).

Прощаю? Нѣ, братъ, это не прошло. Грѣхъ, значитъ, за грѣхъ дѣлается, за собою тянется, и завязъ ты, Микишка, въ грѣхъ завязъ ты, смотрю, въ грѣхъ. Завязъ ты, погрузъ ты, значитъ.

Философiя Акима, стало бытъ, тѣмъ шире и безспорнѣе, чѣмъ больше права имѣетъ Никита, а съ нимъ и вся публика, воскликнуть удивленно: „Экъ помянулъ!“ Но повторю, если въ пьесѣ сохранилась извѣстная органическая связь между отдѣльными моментами драмы, то только потому, что огромный талантъ Толстого творилъ безсознательно вопреки разсудку и наперекоръ въ высшей степени недраматической идеѣ, положенной въ основанiе „Власти Тьмы“.

Мнѣ могутъ возразить, что я преувеличиваю роль идеи „Когооткъ увязъ, всей птички пропастъ“, что она не все въ этой драмѣ, а что имѣются также и другiя идеи, высказываемыя устами Акима, частью Митрича и Аютки.

Соглашаясь съ этимъ, я все-же думаю, что на построенiе пьесы влiяла, главнымъ образомъ, идея грѣха, въ смыслѣ нарушенiя закона жизни, а не въ смыслѣ волеваго акта, вызываемаго характеромъ, привычками и нравственнымъ содержанiемъ чело-вѣка. Чтобы лучше пояснить это, мнѣ кажется, слѣдуетъ обратиться къ анализу драматическаго характера Никиты.

А. Кугель.

(Продолженiе слѣдуетъ).

Къ вопросу о поѣздкахъ Императорскихъ артистовъ.

(Письмо въ редакцію).

М. Г. г. редакторы!

Многое изъ того, что говорилось на съѣздѣ сценическихъ дѣятелей, передано прессой не только точно, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, эта точность даже имѣетъ видъ замалчиванiя или намереннаго искаженiя истины. Вотъ почему, я рѣшаюсь просить васъ дозволить мнѣ на столбцахъ вашей уважаемой газеты внести поправку въ толкованiе одной изъ резолюцій, поставленной мною по порученiю съѣзда, принятой единогласно 1,400 его членами, а потому, такъ же единогласно, отвергнутой, при окончательномъ утвержденiи резолюцій въ общемъ собранiи. Я говорю о резолюции, формулированной мною такъ:

„Ходатайствовать, чтобы, для поднятiя сценическаго искусства въ провинци, были организованы поѣздки Императорскихъ артистовъ лишь въ полномъ ансамблѣ; сборы же должны поступать въ пользу фонда Русскаго Центральнаго Общества служащаго для улучшенiя положенiя театрального дѣла въ Россiи“.

Для меня эта резолюция совершенно ясна, но многiе не поняли или не захотѣли понять ее. Тотъ, кто былъ на съѣздѣ, долженъ помнить, что вопросъ о поѣздкахъ былъ поднятъ не мною. Когда заговорили о запрещенiи артистическихъ турнѣ императорскихъ труппъ, указывалось на то, что они ѣздятъ безъ ансамбля, т. е. ѣдутъ одинъ, два, три артиста изъ „звѣздъ“, а остальные труппы составляются изъ провинциальныхъ актеровъ, часто даже безъ великаго имени; что зачастую эти звѣзды играютъ въ провинци то, чего никогда-бы не рѣшились играть въ столицѣ въ образцовой труппѣ. Я отъ себя могу привести примѣры: Елка Федотова въ Воронежѣ играла два или три года тому назадъ „Madame Sans Gêne“ и рецензентъ отзывался, что „это не было вполне удовлетворительно“. Объ ансамблѣ было замѣчено, что онъ состоитъ изъ случайно набранныхъ провинциальныхъ силъ. Говорили на съѣздѣ также о томъ, что императорскiе артисты шпикуютъ материальный ущербъ провинциальнымъ театрамъ, беря лишнюю долю, обезсилнвы по отношенiю къ театру платежную способность зрителя, но, благодаря отсутствию ансамбля, не давая провинци полнаго художественнаго удовлетворенiя.

Когда на основанiи всѣхъ этихъ выказанныхъ соображенiй на съѣздѣ требовали запрещенiя поѣздокъ, я возразилъ противъ этого требованiя, а не заициалъ его. Я привелъ даже примѣры: видѣ неслыжи-же было-бы Островскому запретить писать его пьесы, а провинци ставить ихъ, потому только, что гдѣ-либо въ провинци есть свой непосредственный драматургъ. Я даже указалъ на всю несправедливость установленiя мѣры, которая обрекаетъ бѣдняка, живущаго въ глухой провинци напр. почтоваго чиновника, получающаго гроши, учителя, обремененнаго семьей и не могущаго съѣздить въ столицу, никогда не видѣть образцоваго исполненiя. Я говорилъ что мы, собравшись на съѣздѣ, меньше всего должны думать о себѣ, ибо наша идея сiбѣ. Мы прожили и какъ умѣли работали среди удуманной атмосферы, и вамъ, даже не только намъ, а и теперь начинающему свою дѣятельность поколѣнiю актеровъ, вѣроятно, не придется на себѣ ощутить результаты перваго и даже нѣсколькихъ послѣдующихъ съѣздовъ, ибо то, что расматывалось и гризилось десятилетиями, даже многiе десятки, можно упрочить и обилить не иначе, какъ тоже десятками, а можетъ быть и согвеию лѣтъ. Увы, исправлять труднѣе, чѣмъ портить. Я доказывалъ, что мы, горячо отстаивая ту или другую желательную для насъ мѣру, должны имѣть въ виду не себя, а „homo novus“, того сценическаго дѣятеля, свѣжаго, новаго, который придетъ насъ смѣнить. Я требовалъ улучшенiя всего дѣла театрального, для того, чтобы этому „homo novus“ можно было дышать свободнѣе и легче въ атмосферѣ театра, въ которой мы задохнулись; я требовалъ для него свѣта, чтобы ему виднѣе было работать тамъ, гдѣ мы въ потемкахъ разбивали себѣ голову. А дѣло несомнѣнно улучшится, если вѣсѣ зрителя станетъ болѣе развитымъ. Тогда провинциальному актеру будетъ легче играть. Тогда болѣе развитая публика своими требованiями хотъ-бы раздирательныхъ драмъ, или эпигонныхъ фарсовъ, не будетъ развращать актера, какъ это случается теперь, а, напротивъ, заставитъ его строже относиться къ себѣ и къ своей задачѣ,—актера грядущаго, актера слуги своего народа, отвѣтственнаго передъ этимъ народомъ за свою дѣятельность гораздо болѣе чѣмъ теперь.

Теперь я спрошу: изъ всего сказаннаго мною выте-

можно-ли сдѣлать выводъ, что я стою противъ поѣздокъ артистовъ Императорскихъ театровъ въ провинцію?

Не вытекала-ли первая часть моей резолюціи: „ходатайствовать (конечно передъ властью, а не передъ артистами Императорскихъ театровъ) объ организаціи поѣздокъ артистовъ Императорскихъ театровъ въ провинцію лишь въ полномъ ансамблѣ, изъ моего глубокаго убѣжденія, что такіа поѣздки полезны, желательны, даже необходимы для развитія вкуса публики. Я не нарушалъ этимъ и интересы товарищей, ибо въ своемъ докладѣ я и для нихъ ходатайствовалъ объ устройствѣ постоевъ въ Императорскомъ театрѣ спектаклей, на которыхъ они могли-бы знакомиться съ приемами игры образцовой труппы. Значитъ мною была предложена мѣра двойная, служащая какъ для подъема искусства актера, такъ и для спещиализаціи образованія зрителя. Если-бы эти оба дѣла были достигнуты, кто-же сталъ-бы спорить, что отъ ихъ достиженія улучшилось-бы все театральное дѣло? И вотъ, эту великую задачу, которая и была главною задачей съѣзда—улучшеніе театрального дѣла въ Россію—я возлагалъ на нашихъ „свѣточей“, на соль театрального міра, на представителей искусства, стоящихъ, „что городъ на горѣ“, на Императорскихъ артистовъ. Ставъ второю частью ея резолюціи: „сборы-же должны идти въ пользу фонда русскаго театрального общества, служащаго для улучшенія театрального дѣла въ Россію“, я хотѣлъ только сгнать съ этихъ „свѣточей“—позорное обвиненіе въ жадности, въ корыстолюбивой подкладкѣ ихъ „набьговъ“ на провинцію, какъ кто-то окрестилъ поѣздки, обвиненіе чуть-ли не въ грабежѣ провинцій. Я при этомъ выходилъ изъ убѣжденія, что учитель не можетъ учить, если онъ знаетъ, что ученикъ считаетъ его, учителя, работающимъ только изъ-за гонора, что ученикъ не можетъ учиться, если учитель, что учитель больше интересуется его карманомъ чѣмъ его усиліемъ. Необходимо снять это постыдное обвиненіе съ учителей, удалить это недоразумѣніе между учащимся и учащими и я пытался сдѣлать это во второй части моей резолюціи. Пусть государство, заинтересованное въ томъ, чтобы театръ изъ *эрымина*, часто развращающаго, сталъ школой народнаго ума и чувства, пусть государство организуетъ командировки Императорскихъ артистовъ въ полномъ ансамблѣ въ провинцію. Пусть эти летучіе отряды, составленные изъ лучшихъ учителей, подготовятъ почву для улучшенія дѣла въ провинціи. Вотъ мое желаніе. Вотъ ясный и точный смыслъ поставленной мной резолюціи.

Какъ онъ ни ясенъ, но со всѣхъ сторонъ онъ вызвалъ толкованія по меньшей мѣрѣ странныя. Даже уважаемый председатель съѣзда г. Потѣкинъ, объяснивъ ее такъ: „Что же? Это будетъ, со стороны артистовъ Императорскихъ театровъ наломничество. Они будутъ ѣздить, даромъ трудиться, а деньги отдавать вамъ“.

Тутъ въ этомъ толкованіи все странно.

Какъ „они будутъ ѣздить?“ По своей охотѣ, что-ли, изъ чувства самопожертвованія? Нѣтъ, ихъ будетъ посылать власть, платящая имъ круглый годъ жидованье.

Какъ „даромъ?“

Развѣ въ резолюціи есть это слово?

Слово организовать предполагаетъ, что та власть, передъ которой съѣздъ ходатайствуетъ объ организаціи поѣздокъ, не стаетъ организовывать ихъ на нѣжныхъ началахъ эксплуатаціи труженниковъ.

Слова „ходатайствовать объ организаціи“ ясно показываютъ, что обращаются не къ артистамъ Императорскихъ театровъ, а къ власти, ибо г. артистовъ можно просить, но ходатайствовать передъ ними пока еще преждевременно, развѣ они не облечены властью.

Если бы г. артисты подумали, что передъ ними съѣздъ ходатайствуетъ о дарованъ прогулкахъ по Россіи для воспитанія публики, они были бы саникомъ нанвны. Но я увѣренъ, что санвичари не столько они, сколько непрошенные друзья и комментаторы, которыхъ у съѣзда оказалось не мало.

„А деньги будутъ отдавать вамъ“, сказалъ г. председатель.

Какъ вамъ?

„Фонду Русскаго Театральнаго Общества, служащаго для поддѣлки сценнаго дѣла въ Россію“, ясно говоритъ резолюція.

Тому самому фонду, которому мы, провинціальныя актеры, не получающіе круглый годъ жидованья, и какъ въѣмъ на съѣздѣ признано, обезнечены, сами рѣшили отдавать копейку съ рубля своего заработка, плату съ афишъ, въ пользу котораго мы предлагали ставить по два спектакля въ годъ на каждой сценѣ, а это въ общей сложности, смѣло увѣрить, дастъ гораздо больше, чѣмъ могутъ дать кратковременныя поѣздки Императорскихъ труппъ.

Хоты мы и стремимся сплотиться въ корпорацію подъ покровительствомъ Русск. Театр. Общества, но мы еще пока не Русское Театральное Общество, и саничаютъ насъ

съ фондомъ этого общества.—такой же недосмотръ, какъ и предположить, что съѣздъ ходатайствовалъ въ моей резолюціи не передъ властью, а передъ артистами Императорскихъ театровъ, объ организаціи поѣздокъ. Одиа изъ газетъ говоритъ, что эта резолюція есть замаскированное запрещеніе поѣздокъ, другая называетъ ее смертнымъ приговоромъ для поѣздокъ, ибо артистовъ Императорскихъ театровъ, на такихъ условіяхъ и казачемъ не заманишь въ провинцію. Я рѣшительно не понимаю, какъ можно придти къ такимъ страннымъ выводамъ. Положимъ, теперь много на Руси угадывателей чужихъ мыслей, но читая въ сердцахъ, все-таки надо „ждать поступковъ“, какъ рекомендовалъ Щедринъ.

Все это несомнѣнно было бы выслено мной, если бы я былъ въ залѣ во время утвержденія резолюціи, но къ сожалѣнію, меня въ это время тамъ не было. Присутствіе инфлуэнцы, которой я страдалъ во время съѣзда, заставилъ меня выйти изъ зала. Вотъ почему теперь, не желая на будущеемъ съѣздѣ возвращаться къ этому вопросу, мнѣ хотѣлось бы выслить его при посредствѣ вашей уважаемой газеты.

Еще два слова.

Г. П. Рокъ въ газетѣ „Новости“ въ № 106 отъ 19-го апрѣля сообщаетъ свой разговоръ съ молодымъ артистомъ Императорской сцены. Этотъ артистъ находилъ, что теперь, хотя резолюція отвергнута, совѣсть и честь уже не позволятъ имъ ѣздить въ провинцію, ибо при современныхъ условіяхъ такіа поѣздки, по единогласному мнѣнію съѣзда, вырываютъ кусокъ хлѣба у голоднаго. Г. П. Рокъ успокоиваетъ его и благословляетъ на поѣздки, ибо „дѣлалъ резолюція отвергнута“. Молодой человекъ! Позвольте лично позвать вамъ руку, хотя я и не имѣю чести васъ знать. Примите мой добрый совѣтъ стараго актера, выданнаго въ видѣ, слышавшаго совѣты многихъ гг. Рокъ. Не слушайте ихъ. Если ваша честь, ваша совѣсть, взволнованная тѣмъ, что говорилось на съѣздѣ, не можетъ успокоиться, слушайте ее. Вѣрьте мнѣ, что сколько трудно пѣть маленькаго театрика понасть въ „Малый“—даже на спектакль, настолько же легко изъ „Малаго“ очутиться въ маленькомъ.

Лично для меня ваша невѣдливость *совѣсть*, ваша затронутая *честь*—лучшія доказательства того, что нашъ съѣздъ не прошелъ безслѣдно, что онъ сдѣлалъ свое дѣло.

Т. П. Селищновъ.

Нѣмецкіе драматурги.

Нѣмецкая драматическая литература все болѣе завоевываетъ симпатіи публики. Думается, поэтому, не лишне познакомить читателей съ нѣмецкими драматургами въ ихъ интимной обстановкѣ.

Самый старшій изъ нихъ по возрасту, Эрнстъ Вильденбрухъ, ярый представитель патріотическаго направленія въ нѣмецкой литературѣ, по игрѣ случая, родился въ Беirutъ (Сирія), гдѣ его отецъ служилъ прусскимъ консуломъ. Гола дѣтства онъ провелъ попеременно въ Берлинѣ, Афинахъ и Константинополѣ. Вильденбрухъ служилъ въ военной службѣ, съ 1888 г. по министерству иностранныхъ дѣлъ. Карьера, Вильденбрухъ, объясняетъ намъ нѣкоторыхъ его привычки и манеры работать. Его кабинетъ по простотѣ своей—рабочая комната военнаго человека, а по своему трудолюбію онъ сродни какому-нибудь старательному департаментскому чиновнику. Многогранно образованный человекъ, онъ не навидитъ поверхностности, съ чисто военной прямолинейностью выражается, что „измѣряетъ умственный уровень человека по силѣ ненависти, съ какой онъ преслѣдуетъ полюбозаваніе“.

Совсѣмъ другая обстановка въ рабочей комнатѣ Германа Зудерманна. Это не „солдатское жилище“, какъ у Вильденбруха. Роскошныя ковры, затѣйливая мягкая мебель, дорогіи

НѢМЕЦКІЕ ДРАМАТУРГИ У СЕБЯ.

Э. Вильденбрукъ.

картины, скульптуры... Совершенно иной миръ. Зудерманъ страстный «собиратель» и не пропускаетъ по возможности ни одного аукциона. Особенную слабость онъ питаетъ къ итальянскимъ бронзамъ.

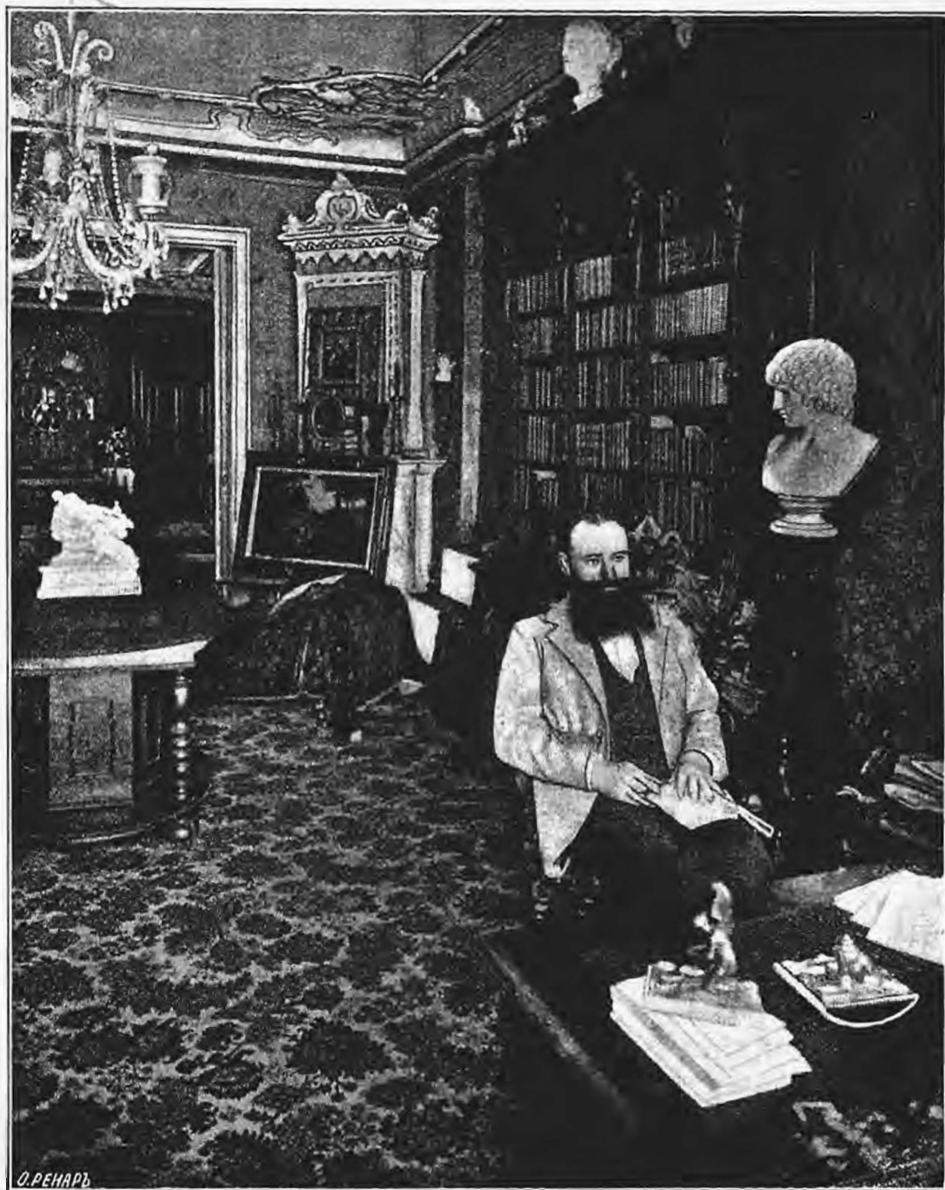
Домъ Зудермана, богатый художественными предметами, это—созданіе человека, добившагося хорошаго положенія собственными усиліями и по праву гордящагося этимъ. Молодость Зудермана была тяжелая, полная лишенія и нужды. Родившись

въ 1857 г. въ Маницкенъ, въ восточной Пруссіи, онъ началъ свою карьеру аптекарскимъ ученикомъ. Но аптека ему оказалась не по душѣ, и онъ поѣхалъ въ Кенигсбергъ, гдѣ слушалъ лекціи по исторіи и филологіи, зарабатывая себѣ кусокъ хлѣба (тяжелый кусокъ!) частными уроками. Долгое время унылыя и ровныя поля его родны были единственнымъ пейзажемъ, который ему приходилось наблюдать. «Первую гору,—разсказываетъ онъ,—я увидѣлъ 18-ти лѣтъ. Насколько я былъ пораженъ, можете

Л. Фульда.

НѢМЕЦКІЕ ДРАМАТУРГИ У СЕБЯ.

Г. Зудерманъ.

узнать по тому, что я полощель вплотную и потрогалъ скалу пальцами, чтобы убѣдиться, что это не глина!»

Внутреннее сродство съ произведеніями новѣйшихъ французскихъ авторовъ, которое замѣтно въ пьесахъ Зудермана, отражается и на симпатіи, которую нашъ авторъ питаетъ къ Парижу. Сюда онъ ежегодно вырывается изъ Берлина, гдѣ ему не даютъ работать и въ одиночествѣ, или же посѣщаемый лишь очень немногими, пишетъ свои пьесы и беллетристику. Нѣсколько мѣсяцевъ въ году онъ проводитъ въ Италіи.

Людвигъ Фульда (родился въ 1862 г. во Франкфуртѣ на Майнѣ) происходитъ изъ зажиточной бюргерской семьи, и кабинетъ его носитъ характеръ той среды, откуда онъ вышелъ. Фульда учился въ Гейдельбергскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ лекціи по философіи и филологіи. Ему нѣмецкая литература обязана новѣйшимъ переводомъ всего Мольера. Его остроумныя, полныя жизни пьесы, играютъ охотно и за предѣлами его родины. Но, разумѣется, это не Зудерманъ.

ХРОНИКА

театра и искусства.

Опубликована всеподданѣйшая записка извѣстнаго ревнителя русской народной пѣсни Т. И. Филиппова.

«На-ряду съ ближайшею первою цѣлью всѣхъ предстоящихъ работъ, говорится между прочимъ, въ запискѣ,—закрѣпленіемъ для потомства исчезающихъ слѣдовъ народнаго творчества, спасеніемъ отъ забвенія и невѣжественнаго равнодушія наследственнаго богатства пѣсеннаго, доживающаго свой вѣкъ въ устахъ народа,—достигается и другая, не менѣ важная и существенная, цѣль. Любители и ревнители русской пѣсни твердо убѣждены, что въ сохраненныхъ ими для искусства напѣвахъ родные художники найдутъ богатя и разнообразныя темы для новыхъ созданій и тѣмъ утвердятъ и упрочатъ успѣхи того самобытнаго направленія въ области русской музыки, коего высшими представителями почитаются Глинка и Даргомыжскій и коего знамя такъ высоко держится опочившими и живыми еще среди насъ ихъ преемниками, какковы: Мусоргскій, Бородинъ, Балакиревъ, Римскій-Корсаковъ, Кюи и другіе. Еще отраднѣе мечта, что рано или поздно, когда, вопреки дружнымъ ополченіямъ всѣхъ многообразныхъ враговъ народа, онъ отстоитъ себя отъ ихъ насильственныхъ заботъ и дождется для дѣтей своихъ призываемой его чаяніями школы,—при помощи такой школы въоборотъ

народный может проникнуть шовъ хотя часть тѣхъ художественныхъ сокровищъ, которыя нынѣ уходятъ изъ его владѣнйя».

Затѣмъ, коснувшись вопроса о возвращеніи русской пѣсни въ народъ, при помощи войска, чему опыты сдѣланы известнымъ виртуозомъ-балалаечникомъ В. В. Андреевымъ, - записка продолжается:

Во исполненіе Высочайшей воли Вашего Императорскаго Величества, изложивъ мои мысли о томъ, что предостать сдѣлать для сохраненія живущихъ еще въ народѣ остатковъ его истиннаго творчества и для возможнаго возвращенія хотя части ихъ въ народную среду, и что обѣщаетъ русская пѣсня для будущаго музыкальнаго творчества, вообще, пмѣю счастье попергнуть на возвращеніе Ваше, Государь, слѣдующія мѣры:

1) Продолжать отпускъ средствъ на будущія поѣздки, для дальнѣйшаго собиранія народныхъ пѣсень, въ прежнемъ размѣрѣ, по двѣ тысячи рублей на каждую.

2) Отпускать на изданіе собранныхъ уже мною коммисією пѣсень по примѣру перваго выпуска ихъ (Дютина и Истомина), отъ полутора тысячъ до двухъ тысячъ руб., въ зависимости отъ размѣра выпуска.

3) Разрѣшить мнѣ войти въ переговоры съ Балкиревнымъ, какъ главою предпріятія, и съ Ляпуновымъ и Некрасовымъ, какъ необходимыми его сотрудниками, о составленіи плана гармонизаціи собранныхъ пѣсень, и о средствахъ, нужныхъ для исполненія сего плана.

4) Поручить мнѣ же войти въ переговоры съ Андреевымъ о томъ, что можно и нужно сдѣлать для его изобрѣтенія, какъ орудія для распространенія въ народѣ его художественныхъ пѣсень.

5) О послѣдствіяхъ сихъ переговоровъ разрѣшить мнѣ доложить въ свое время Вашему Императорскому Величеству.

На поданной запискѣ Его Величеству, 26-го ноября 1896 г., благоугодно было Всемилостивѣйше начертать: „Согласенъ“.

* * *

Въ воскресенье въ изданіи консерваторіи состоялся общее собраніе членовъ музыкальнаго общества.

Изъ отчета за 1895—96 г. видно, между прочимъ, что дирекціи усгродла 10 симфоническихъ собраній. 8 квартетныхъ, экстренный концертъ въ память А. Г. Рубинштейна и два экстренныхъ концертныхъ собранія.

Что касается консерваторіи, то въ ней за истекшій годъ обучалось 647 лицъ, въ томъ числѣ—265 учениковъ и 382 ученицы.

Въ квартирѣ, содержимой по примѣру прошлыхъ лѣтъ комитетомъ, помѣщалось 20 ученицъ консерваторіи, изъ которыхъ три безплатно и остальные съ платою отъ 22—30 руб. въ мѣсяць. Содержаніе квартиры обошлось въ 5980 р. 35 к. Въ возмѣщеніе расходовъ поступило 3123 р. 50 к.

Другая мѣра для оказанія пособій учащимся заключалась въ предоставленіи нѣкоторымъ изъ нихъ возможности имѣть обѣды за дешевую плату. Съ этой цѣлью въ квартирѣ шеф-повара консерваторіи была открыта столовая, гдѣ недостаточные ученики получали обѣды съ платою по 9 руб. въ мѣсяць. За каждою изъ нихъ комитетъ приплачивалъ по 4 р. 50 к., а за нѣкоторыхъ сноши 9 р. Всего на эту цѣль потрачено 1221 р. 90 к. Ежемѣсячные стипендіи выдавались въ отчетномъ году 14 лицамъ на сумму 2130 р. и одновременно пособій роздано 490 руб. 35 коп.

Отчетъ былъ утвержденъ собраніемъ. Произведенною затѣмъ баллотировкой были выбраны въ директоры общества гг. Вертепановъ и Черемшениновъ, въ кандидаты къ нимъ: гг. Бобринскій, гг. Китчеръ и Мальцевъ; въ члены ревизионной коммисіи гг. Досъ, Битенпажъ и Михайловъ.

Выбывающей изъ состава дирекціи княгинѣ Оболенской была выражена обществомъ благодарность за ея дѣятельное и благотворное участіе въ дѣлахъ общества, и по предложенію дирекціи, княгиня Оболенская была избрана въ почетные члены общества.

* * *

Оперные артисты Императорскихъ театровъ получили отпускъ лишь на 2½ мѣсяца, т. е. съ 1-го мая по 15-е юля, къ каковому времени обязуются прибыть обратно въ Петербургъ, для участія въ парадныхъ спектакляхъ, организуемыхъ въ честь предстоящихъ пріѣздовъ императора германскаго Вильгельма, сіамскаго короля и президента французской республики г. Феликса Форы. Такой-же отпускъ получили и артисты балетной труппы; что-же касается драматическихъ, то пребываніе лѣтомъ въ Петербургѣ обязательно лишь для тѣхъ изъ нихъ, которые входятъ въ составъ труппы, участвующей въ спектакляхъ Красносельскаго театра.

* * *

На дняхъ въ Петербургъ пріѣзжаетъ армянская драматическая труппа, специально исполняющая русскія бытовые пьесы на армянскомъ языкѣ. Пойдутъ между прочимъ «Власть тьмы» и нѣсколько пьесъ Островскаго.

* * *

А. Г. Оголейтъ.

27-го апрѣля, въ одноактномъ балетѣ Р. Дриго «Волшебная флейта», въ послѣдній разъ выступила на сценѣ Мариинскаго театра артистка балетной труппы Анг. Герм. Оголейтъ 1-ая. А. Г. Оголейтъ 1-ая почти 25 лѣтъ прослужила въ петербургской труппѣ, пользовалась, какъ талантливая танцовщица, вниманіемъ публики и оставила о себѣ, среди своихъ сослуживцевъ, самое лестное воспоминаніе. Балетная труппа, въ память добрыхъ своихъ отношеній, поднесла г-жѣ Оголейтъ 1-ой вѣнчикъ поларокъ. По окончаніи названнаго балета, публика сочувственно простилась съ г-жею Оголейтъ 1-ой, долго ей аплодировала и поднесла цвѣты.

* * *

Новое художественное общество. Въ субботу, 26 апрѣля, въ помѣщеніи 1-ой музык. школы состоялось открытіе новаго въ столицѣ художественнаго общества: «Кружокъ любителей художественнаго чтенія въ С.-Петербурѣ». Интересъ къ художественному чтенію, несомнѣнно, существуетъ въ русскомъ обществѣ въ видахъ чисто практическихъ и профессиональныхъ. Этотъ интересъ существуетъ у актеровъ, пѣвцовъ, лекторовъ и ораторовъ. Но худож. чтеніе должно привлекать общее вниманіе также въ виду его чисто-эстетическаго и—въ силу этого—воспитательнаго значенія. Художественно прочесть литературное произведеніе—значитъ представить данное поэтическое содержаніе слушателю въ томъ именно видѣ, въ какомъ оно рисуетъ художественному сознанію автора. Впечатлѣніе выигрываетъ въ силѣ и интенсивности. Сколько высокихъ идей и прекрасныхъ побужденій можетъ поселить художественное чтеніе въ душѣ юности, для котораго часто письменный языкъ поэзіи является недостаточно доступнымъ, и нуждающагося въ заимствіи его инымъ, болѣе вѣрвумительнымъ и яркимъ, языкомъ жинной рѣчи!..

Нельзя поэтому не пріятствовать новому обществу, поставившаго себѣ цѣлю, какъ гласитъ 1 § его устава: «возбуждать и поддерживать въ обществѣ интересъ къ искусству вообще, въ особенности же, къ художественному чтенію, а также содѣйствовать выработкѣ живой рѣчи». Нужно желать только, чтобы дѣятельность Кружка проявилась въ дружескихъ и согласныхъ усиліяхъ всѣхъ его членовъ.

Возникновеніе и самое открытіе Кружка состоялось при слѣдующихъ условіяхъ:

Инициатива учрежденія Кружка, который бы явился центромъ тяготѣнія для лицъ, интересующихся вопросами художественнаго чтенія, принадлежитъ известному педагогу и литератору В. П. Острогорскому, давно уже ратовавшему за самое широкое распространеніе въ русскомъ обществѣ основъ художественнаго чтенія. Инициатива В. П. Острогорскаго была сочувственно встрѣчена кружкомъ лицъ, близко знакомыхъ В. П. и состоящихъ, главнымъ образомъ, изъ представителей

педагогической и артистической сферѣ. Составленіе устава поручено было артисту Александринской труппы Ю. Э. Озаровскому (автору «Вопросовъ выразит. чтенія»), принимавшему въ организации Кружка самое дѣятельное участіе. По редакціонной повѣркѣ устава учредителями Кружка и утвержденіи его г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, Кружокъ вступилъ въ жизнь. Предсѣдателемъ былъ избранъ В. П. Острогорскій. Открытію предшествовало молебствіе, совершенное священникомъ театральнаго вѣдомства О. Пигулевскимъ, предпославшимъ молитвѣ прочувствованное слово о великомъ воспитательномъ значеніи художественной рѣчи.

Въ члены совета избраны: В. Н. Давыдовъ — предсѣдатель Кружка, В. П. Острогорскій — товарищъ предсѣдателя, А. Э. Бардовскій — дѣлопроизводитель Кружка, М. М. Ледерле — казначей его, проф. Саккети и И. П. Витвенникій, кандидаты къ нимъ (Ю. Э. Озаровскій, В. И. Петровъ, С. А. Орлингъ и Д. М. Глѣбова). Затѣмъ г. Озаровскій прочиталъ привѣтственную рѣчь, имѣвшую темой опредѣленіе художественной роли декламации. Г. Острогорскій такъ опредѣлилъ ближайшую дѣятельность Кружка:

а) учрежденіе при Кружкѣ специальной школы художественнаго чтенія, могущей быть обеспеченной преподавательскимъ персоналомъ при наличномъ составѣ Кружка;

б) подготовка Кружкомъ специалистовъ для исполненія чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ;

в) составленіе членами Кружка рефератовъ, рецензій и обзоровъ специальной литературы художественнаго чтенія,

и д) посвященіе открытыхъ собраній Кружка отдѣльнымъ авторамъ или ихъ произведеніямъ. Какъ рѣчь г. Озаровскаго такъ и предложеніе г. Острогорскаго были встрѣчены Собраніемъ весьма сочувственно. Секретаремъ общаго собранія былъ единогласно избранъ Ю. Э. Озаровскій.

* * *

Г-жа Мелодистъ

Г-жа Мелодистъ дебютировала съ большимъ успѣхомъ въ роли Тамары на сценѣ Маринскаго театра. Г-жа Мелодистъ выступала также въ италянскій оперѣ. Петербуржцы помнятъ симпатичную пѣвицу по спектаклямъ въ лѣтней «Аркадіи» и въ Маломъ театрѣ, антрепривы г. Пальма. Последній сезонъ артистка пѣла на оперныхъ сценахъ Казани и Саратова. Вопросъ о принятіи г-жи Мелодистъ еще не рѣшенъ.

* * *

Г-жа Торриджи-Гейротъ, бывшая ученица нашей консерваторіи, назначена профессоромъ пѣвца въ женевской консерваторіи.

* * *

Г. Долгиковъ принятъ на Императорскую сцену на 3.600 р. въ годъ. Равнымъ образомъ принята г-жа Чижевская, о дебютѣ которой мы сообщали. Не смотря на свое амбула, г-жа Чижевская еще молодая женщина и еще болѣе молодая актриса. Ея карьера — трудная,

и гѣмъ болѣе честна для нея. Лѣтній сезонъ г-жа Чижевская служитъ въ товариществѣ Павловскаго театра. Контрактъ съ дирекціею заключенъ лишь съ 1 сентября. Принять также на окладъ въ 1.200 р. г. Истомина.

* * *

А. А. Чижевская.

Въ пятницу, 25-го апрѣля, состоялась ученичскій вечеръ музыкально-вокально-драматическихъ «курсовъ» Б. В. Поляка. Вечеръ собралъ довольно многочисленную публику. Впечатлительнѣе драматическаго отдѣленія было воплотить удовлетворительнымъ, несмотря на то, что поставленный для начала драматическій эскизъ Щепкиной-Куперникъ «Вѣчность въ мгновеніи» былъ исполненъ неудачно. Это объясняется, главнымъ образомъ, совершенно неправильнымъ распредѣленіемъ ролей, что подтвердилось въ слѣдующей пьесѣ, «Золотой рыбки» Салова. Такъ, ученикъ Никитинъ, слабый любовникъ въ первой пьесѣ, былъ недуренъ въ характерной роли второй; ученикъ Эвисонъ, слабо сыгравшій въ началѣ драматическую роль, оказался весьма милымъ коликкомъ-резонеромъ. Единственная женская роль въ эскизѣ г-жи Щепкиной испла себя слабую исполнительницу въ лицѣ г-жи Ивановой. У г-жи Ивановой не хватало темперамента, преобладала искусственная горячность — ни вышшихъ дѣлъ, ни достаточной мимики для этой роли. Ученики читали стихи съ нѣкоторымъ напряженіемъ и обнаружили недостаточную постановку голосовъ, Г. Эвисонъ, къ тому-же, никакъ не могъ справиться съ своимъ плащомъ. Впрочемъ, носить костюмъ не легкое дѣло, особенно для начинающихъ. Тѣ-же исполнители въ «Золотой Рыбкѣ» произвели на насъ гораздо лучшее впечатлѣніе. Лучше другихъ насъ г. Никитинъ. Онъ совсѣмъ хорошо справился бы съ ролью Развѣталева, сельскаго адвоката, еслибы чуточку не переигрывалъ. Г. Эвисонъ очень выдержанно изобразилъ сапожника, а г-жи Гаврилова и Львова, обѣ представляютъ хорошіе задатки для бытовыхъ актрисъ: первая на роли ingénuе, а вторая на роли комическихъ старухъ. Вообще-же, молодымъ исполнителямъ мѣшало желаніе, свойственное впрочемъ всѣмъ начинающимъ, быть какъ можно развязнѣе на сценѣ. Эта чрезмѣрная развязность выдавала ихъ неопытностью. Но, повторяемъ, впечатлительнѣе, оставленное исполненіемъ «Золотой Рыбки», весьма хорошее: видны должная сценичность, тщательное знаніе ролей, и вообще, добросовѣстное, чистоплотное отношеніе къ дѣлу. Гримъ у всѣхъ былъ удивительно хорошъ, за исключеніемъ развѣ «ученика 1-го курса» о которомъ поговоримъ, когда «конъ подрастетъ».

Влад. Чистовъ.

* * *

Дирекція Императорскихъ театровъ объявляетъ, что въ предстоящемъ 1897—98 сезонѣ будутъ открыты два абоне-мента, каждый изъ 30 представлений, согласно прежнему распредѣленію дней: 1-й абонементъ по вторникамъ, 2-й — по четвергамъ. Для абонентовъ, желающихъ возобновить свои абонементные билеты на предстоящій сезонъ, въ классѣ Михайловскаго театра будетъ открыта подписка, ежедневно, съ 11 ч. утра до 2 ч. пополудни, исключая не-присутственныхъ дней, съ 30-го апрѣля по 5-е мая включительно. Абоненты, пропустившіе означенные сроки, теряютъ право на свои мѣста.

* * *

Г. Трефиловъ прислалъ намъ нѣсколько номеровъ „Ревельскихъ Извѣстій“, съ очеркнутыми рецензіями объ его труппѣ, весьма благоклонными въ общемъ. Мы очень рады, что въ Ревель имѣетъ успѣхъ труппа г. Трефилова. Но сочинять афиши съ „моргами самоубійцы“ и т. п. — не дѣло уважающаго себя театральнаго дѣятеля.

* * *

Кл. В. В. Барятинскій проситъ насъ напечатать, что онъ больше не состоитъ сотрудникомъ нашего журнала. Съ совершенною готовностью мы немедленно исполняемъ его желаніе.

* * *

Зара стоитъ совершенно изъяскал, и нужно большое самоутверженіе, чтобы сидѣть въ театрѣ. На-дняхъ въ Александринскомъ театрѣ сбору было 200 р., а въ Михайловскомъ — 170 р. Тѣмъ не менше, спектакли, какъ мы слышали, продолжатся до 6 мая.

За то множество публики посѣщаетъ лѣтніе сады. Первымъ открылся садъ Пеметти. На открытіи было ни больше, ни меньше, какъ 7,800 чел. Оперетка въ полукрытомъ театрѣ-калбры невеселого. Публика, однако, она правится. Новыхъ артистовъ, кроми г-жи Борской, кажется, нѣтъ. Въ отдѣленіи дивертиссента обращаютъ на себя вниманіе танцоры Дарто. Это очень милое танцующее семейство. Танцы граціозны, пожалуй, фривольны, но не пошла и не циничны. Это канканъ, въ которомъ много юмора, но отъ него не несетъ кабакомъ.

„Зоологическій садъ“ открылся 1 мая. Программа его не отличается никакимъ интересомъ, и новахъ „номеровъ“, въ ней нѣтъ. Впрочемъ, это совсѣмъ особый садъ, на совсѣмъ особыхъ основаніяхъ. Говорятъ, г. Вочаговъ его реформируетъ.

Наконецъ, открылся Крестовскій садъ, отличающійся большимъ разнообразіемъ кафе-шантанной программы. На открытой сценѣ одноактные пьесы, которые ставитъ опытный и умѣлый режиссеромъ Я. В. Быхонцевъ-Самаринымъ. Содержатель Крестовскаго сада, г. Ильшевъ, ведетъ, какъ мы слышали, переговоры съ парижскою „Дивото“, знаменитою Иветою Гильберъ. „La divette“ спрашивается 2,000 рублей за выходъ. Г. Ильшевъ предлагаетъ 1,500 р. Ивета Гильберъ, правда, удивительный талантъ, но едва ли въ Петербургѣ она найдетъ достаточное число публичей ея своеобразнаго, чисто парижскаго, съ отъѣнкомъ народности, дарованія.

Есть еще сады, съ открытыми сценами, на которыхъ даютъ драматическія представленія. Мы поговоримъ объ нихъ особо.

* * *

Въ маѣ минетъ ровно 25 лѣтъ со времени данаго впервые разрѣшенія на открытіе частнаго театра въ столицѣ, гдѣ до 1872 года, какъ извѣстно, могли существовать только одни Императорскіе театры.

* * *

Открытіе лѣтняго сезона въ театрѣ и саду „Аквариумъ“ состоялось 3 мая. Въ большомъ оперномъ театрѣ гастролируетъ извѣстная вѣнская оперетта „Carltheater“а подл управленіемъ Франца Риттеръ фонъ-Яунеръ. Въ составѣ труппы вошли г-жи Бетти Стоянъ, Гизелла Фишеръ, Марія Фореска. Польди Шубергъ, Гизелла Палемъ, Маргарита Пасто, Адель Ивоннъ, Мици Тельмонтъ, Мици Ганъ, Фанни Гелль, Элли Маркистъ и др.; гг. Юлій Спяльманъ, Вилли Бауеръ, Эдмондъ Штенбергеръ, Эдмондъ Франкъ, Карль Гросманъ, Арпольдъ Корфъ, Фрицъ Гедвигъ, Леопольдъ Нацлеръ, Фердинандъ Ворисъ, Францъ Куаста, Францъ Урбанъ Юлій де Бекъ и др. Музыкальная часть находится въ вѣдѣніи довольно извѣстнаго композитора, Адольфа Феррона, при которомъ находится капельмейстеръ Павелъ Матузенъ. Для открытія шла въ первый разъ большая обстановочная оперетта Герберта „Чародѣй съ Нила“. (Der Laubere am Nil). Затѣмъ предполагается поставить слѣдующія оперетты: Османда Карра „Господинъ Губернаторъ“, Герве „Король Шильперикъ“, Оффенбаха „Синяя борода“, Франца фонъ-Зуппе „Модель“, Иоганна Штрауса „Летучая мышь“ и „Лѣсничій“, Делингера „Донъ-Цезарь“, Целлера „Продавецъ птицъ“ и др. Въ лѣтнемъ театрѣ въ „Grand Concert Parisien“ выступать приглашенные изъ иностранныхъ театровъ многіе первоклассные артисты и артистки, напримѣръ, извѣстная шансонетная вѣзда г-жа Ліана де-Врисъ, нѣмецко-германская пѣвица Цецилія Каролла, интернациональная труппа Фердинанда Земмель и др.

* * *

Драма Гергарта Гауптмана „Потонувшій колоколъ“, въ переводѣ г. Буренина, разрѣшена къ представленію драматическою цензурою.

* * *

Въ театральной школѣ по классу г. Ленскаго обучаются двое болгаръ, желающихъ посвятить себя драматическому искусству... Болгаре въ настоящее время декламируютъ по-русски и съ будущаго года начнутъ разучиваніе легкихъ комедій и водевилей... Оба они очень способные и трудолюбивые люди. Статьи, о болгарскомъ театрѣ. Въ нашихъ рукахъ была пьеса, написанная митрополитомъ Климентомъ еще въ то время, когда онъ былъ студентомъ академіи. Переводъ сдѣланъ однимъ молодымъ артистомъ. Это, во всякомъ случаѣ, одна изъ немногихъ пьесъ скупнаго болгарскаго репертуара.

* * *

У насъ было сообщено со словъ газетъ, что въ Петербургѣ предполагается театральная выставка. Извѣстіе это совершенно невыяснено, и нельзя понять, откуда взялись эти слухи.

* * *

Второй экзаменаціонный вечеръ въ драматической школѣ г-жи Бренко состоялся во вторникъ, 29-го апрѣля. Монологъ изъ „Орлеанской Дѣвы“ Шиллера, былъ прочитанъ г-жею Виславиной въ неестественно приподнятомъ тонѣ, съ аффектаціей и излишествомъ жестовъ и позъ. Впрочемъ, у г-жи Виславиной весьма сценическая фигура. Затѣмъ были исполнены „Свѣтскія вирши“ Дьячико. Г-жѣ Стрѣлковой, не обладающей ни вышностью, ни темпераментомъ, ни манерами и не обнаруживающей *сознательнаго отношенія къ роли*, не слѣдовало поручать первую въ высшей степени отвѣтственную роль Сани. Ученица сдѣлала все что было въ ея силахъ, т. е. твердо знала роль, и наученная съ голоса, *фонетически* передала ее. Г-жа Никитина, изъ которой можетъ выйти весьма полезная бытовая актриса, мало подходила къ роли grande-coquette, и видимо чувствовала себя въ ней несовсѣмъ ловко. Лучше другихъ была уч. Бобинина. Не лучше-ли было-бы, если бы ученица и ученики просто показали, какъ они умѣютъ читать и проза и стихи? Краткій отчетъ прочитанный 29 апрѣля гласитъ, что за два сезона въ школѣ пройдено 250 большихъ ролей и поставлено 52 спектакля. Не сомнѣваемся въ точности этихъ цифръ, но не можемъ не замѣтить, что, имѣя даже подл рукою ошатную труппу, довольно трудно поставить въ теченіе 2-хъ сезоновъ такое количество новыхъ пьесъ. Подобныя „практическія“ занятія, пося на себѣ характеръ послѣдней работы, приучаютъ учениковъ къ крайне нежелательнымъ привычкамъ.

Вообще, постановка преподаванія въ нашихъ частныхъ театральныхъ школахъ, во многихъ отношеніяхъ оставляетъ желать лучшаго. Мы, можетъ быть, еще вернемся къ этому вопросу.

Ю. Н. Югансенъ.

Московскія

Письма.

счета петербургскаго сезона говорили, что въ немъ царить по преимуществу экзотическій репертуаръ. Москва и на этотъ разъ проявила свою самостоятельность, и въ инку Петербургу, поставила у себя напо-

сѣддокъ „полярную“ драму. Мы всегда казались подозрительными къ современнымъ тѣмъ пьесамъ, дѣйствіе которыхъ переносится авторомъ въ какую-нибудь исключительную обстановку и исключительныя условія. Во-первыхъ, провѣрять трудно, такъ-ли бываетъ на дѣлѣ, какъ рассказываютъ вамъ авторы по всякому вѣдѣ доводится побывать на экваторѣ или на полюсѣ, а потому малайская драма или алеутская комедія, при всей своей оригинальности, всегда ставятъ зрителя помножку въ тупикъ. А затѣмъ—все думается, имѣть-ли тутъ какой-нибудь уловки, умысла?.. Опасался и съ большимъ основаніемъ—упрека въ банальности, фальши, мелодраматизмѣ или шаржѣ и т. д., авторъ отодвигаетъ время дѣйствія въ глушь времени, мѣсто дѣйствія переносится туда, куда ни одинъ зритель, а можетъ быть даже и авторъ, никогда не заглядывалъ, героини и герои пьесы одѣваются въ историческія и національныя или—что еще удобнѣе—раздѣваются ихъ сообразно требованіямъ „экзотизма“, общедоступную и общепотребительную рѣчь замѣняютъ или стихами, или какимъ-нибудь жаргономъ—и дѣло въ шляпѣ: передъ вами—историческій водевилъ, экзотическая трагедія или этнографическая драма. Разумѣется, фальшь остается фальшью, пошлость—пошлостью, но бываетъ, союзъ такъ ошеломляетъ непривычнаго человека, что сразу и не разберешь въ чемъ дѣло—и развѣ только поздне, дома, когда привычный вкусъ исчезнетъ съ языка, зритель сообразитъ, что его угостили недоброкачественнымъ продуктомъ подъ краснымъ соусомъ кайены. Сообразитъ,—но высказать, пожалуй, не посмѣетъ, изъ опасенія услышать пренебрежительный отвѣтъ, которымъ изъ сказкъ Андерсена курица удостаиваетъ гадкаго утенка: „а ты умѣешь нести яйца?—умѣешь пускаться искры?... Нѣтъ? ну, такъ и молчи“... И въ самомъ дѣлѣ, не побывать на экваторѣ или на полюсѣ, „возможно-ль смѣть свое сужденіе имѣть“?

Все это, впрочемъ, имѣетъ лишь косвенное отношеніе къ послѣдней позинкѣ Малаго театра. Хотя драма г. Л. Жданова и озглавлена „Въ сѣверной глуши“, и зритель въ теченіи 2 первыхъ актовъ имѣетъ предъ глазами лѣтній пейзажъ „крайняго сѣвера“, оживленный фигурами рыбаковъ, чистящихъ рыбу и даже самоѣдовъ, но суть пьесы не въ этомъ. Предъ зрителемъ разворачивается исторія, которая съ одинаковымъ успѣхомъ могла произойти въ любомъ географическомъ пунктѣ и которой „крайній сѣверъ“ не придаетъ ни особой характерности, ни интереса. Тема пьесы—все тотъ-же вопросъ о правѣ человека всесторонне развивать свою личность, не стѣсняясь чуждыми интересами и этническими яко-бы предразсудками.

Вопросъ этотъ уже дебатировался въ двухъ пьесахъ

сѣхъ нынѣшняго сезона—„Своя рука—владыка“ и „Кумиръ“. Разница лишь въ томъ, что героиня и герой этихъ послѣднихъ пьесъ видятъ всестороннее развитіе личности исключительно въ собственномъ благополучіи, а герой „Сѣверной глуши“ заботится, помимо себя, болѣе широкими дѣлами—благополучіемъ цѣлаго края. Средствами для осуществленія этой дѣлы являются милліоны покойной купеческой вдовы Охлоповой, которая готова сложить ихъ къ ногамъ красиваго поморца за любовь его въ награду. Но Подзоловъ (такъ зовутъ герой новой пьесы) дорожитъ своимъ именемъ и въ альфонсы поступать не согласенъ. Онъ разсчитываетъ, что жена его Дуля безъ всякихъ разговоровъ дастъ ему разводъ и возможность жениться на Охлоповой. Но, къ удивленію своему и негодованію—онъ встрѣчаетъ рѣзкій отпоръ со стороны совершенно покорной до тѣхъ поръ Дули. Последняя рѣзительно отказывается дать разводъ,—во-первыхъ, потому, что возмущена его конечною цѣлью, а во-вторыхъ, и потому, что и она, и Подзоловъ продолжаютъ любить другъ друга... И въ концѣ концовъ, Подзоловъ уступаетъ и возвращается на путь истины.

Таковъ сюжетъ пьесы, растянутой на 4 акта и пять картинъ. Интересъ пьесы исчерпывается, въ сущности, однимъ только 3-мъ актомъ или даже върѣше—послѣдней его половиной: сцена первого объясненія Подзолова съ женой по поводу развода и послѣдующая затѣмъ сцена его-же съ Охлоповой—написаны правдиво и горячо, съ настроеніемъ, которое передается и зрителямъ. Здѣсь въ сущности сосредоточена вся драма. Два первыхъ акта медленно подводятъ къ сюжету, а 4-й актъ хотя и очень быстро развязываетъ узелъ драмы, но отъ этой быстроты не легче: очень ужъ „своя рука—владыка“ у автора. Впрочемъ, рассказываютъ, что первоначально развязка пьесы была иная, болѣе естественная и правдоподобная, и лишь „по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ“ пришлось ее передрѣзать.

„Сѣверною глушью“ закончился, въ сущности, сезонъ Малаго театра. Спектакли, правда, будутъ еще продолжаться до половины мая, но ни новостей пьесъ, ни дебютовъ не предвидится. За то для нѣкоторыхъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ членовъ труппы наступаютъ и даже ужъ наступило тревожное время. Какъ слышно, дирекція намѣрена сократитъ труппу Малаго театра. Предназначено къ удаленію, говорятъ, до десяти человекъ, и весенніе спектакли должны рѣшить, кто изъ второстепенныхъ актеровъ и актрисъ на одинъ и тѣ же роли останется въ труппѣ, а кому—предложить уйти.

Мы отъ души жаль молодыхъ актеровъ и актрисъ, которые переживаютъ теперь, конечно, очень скверныя минуты,—жаль тѣмъ болѣе, что они лишь отчасти виноваты въ ихъ самъ: зачѣмъ было приглашать въ труппу ненужныхъ, сверхкомплектныхъ дублеровъ, когда труппа Малаго театра и безъ того издавна „велика и обильна“? Неужели только затѣмъ, чтобы, продержавъ ихъ годъ или два безъ всякаго почти дѣла, удалить ихъ изъ труппы за ихъ ненужность, которая была очевидна въ самый моментъ ихъ приема?

Но съ другой стороны, едва-ли можно считать особенно счастливыми и тѣхъ, которые выйдутъ изъ конкурса побѣдителями. Преимущества ихъ развѣ лишь въ томъ, что они будутъ пользоваться нѣкоторой матеріальной обезпеченностью (да и то весьма проблематичной: большинство этихъ артистовъ получаетъ 600 р. въ годъ,—а на эту сумму существовать въ Москвѣ довольно трудно) и будутъ именоваться артистами Императорскихъ театровъ. Но за то большая ихъ часть только и будетъ

и лишь разъ въ два года получить въ какомъ-нибудь роли.

Я еще поминаю, что ветераны сцены, утомленные жизнью помянуть, стремятся подъ конецъ своей артистической дѣятельности пристроиться на казенную сцену, хотя и знаютъ заранее, что имъ придется занять на ней очень скромное артистическое положеніе. Но я рѣшительно не могу объяснить себѣ, почему казенная сцена такъ притягиваетъ къ себѣ школьную молодежь!

Въ начинающихъ артистахъ должно прежде всего господствовать стремленіе играть, практиковаться. А окончивающіе школу ученики и ученицы прекрасно знаютъ, не могутъ не знать—какая участь ожидаетъ ихъ на казенной сценѣ, гдѣ въ труппѣ чуть-ли не 120—130 человекъ. Правда, бывали случаи, что въ годъ—два актриса или актеры выбивались изъ общей массы во вторые и даже первые ряды труппы, но вѣдь это—очень рѣдкія исключенія, а большинство застряло и до сихъ поръ остается тамъ-же, гдѣ они были въ первый годъ своей службы.

Правда, плохъ тотъ солдатъ, который не разсчитываетъ быть генераломъ, но почему непременно связывать надежды на генеральство съ пребываніемъ въ столицѣ? Та же г-жа Ленковская, на которую сылаются обыкновенно какъ на призывъ (и призывъ, въ сущности, единственный за послѣдніе годы) необычайно быстрого успѣха—предварительно пошрала въ провинціи.

Итъ, тутъ, очевидно, какое-нибудь недоразумѣніе. Или школа такъ у насъ поставлена, что ей воспитанникамъ итъ мѣсти въ провинціи? Едва-ли.

Кстати, — о школахъ. Постомъ мнѣ пришлось быть на экзаменаціонныхъ спектакляхъ филармоническаго общества. Сами по себѣ спектакли эти не представляютъ такого интереса, чтобы стоило подробно писать о нихъ, но они невольно натолкнули меня на нѣкоторыя общія размышленія по поводу нашихъ театральнхъ школъ. Если позволите, въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ я и подѣлюсь съ вами этими размышленіями.

В. Пр—скій.

РАЗТОВОРЪ.

то былъ китайскій будуаръ, хотя любой китаецъ почувствовалъ-бы себя крайне смущеннымъ, понавъ въ этотъ душнѣтый, вездѣ обитый и всюду заставленный уголокъ. Были тутъ дѣк-три цыновки, росшешныя вѣера и фонарики, очень много обитателей поднебесной имперіи на шелку обоевъ и ширмъ, и еще больше совершенно уже не китайскихъ пуфовъ, столиковъ и диванчиковъ всевозможныхъ формъ и цвѣтовъ.

На одномъ изъ такихъ диванчиковъ лежала блондинка съ пещельными волосами, молочной кожей и чудными, удивительно большими и удивительно темными, мерцающими глазами. Они не смотрѣли, какъ всякіе другіе, а именно мерцали—то тускли, то вдругъ вспыхивали какимъ-то мягкимъ, дрожащимъ огонькомъ. Тулется блондинка, какъ и будуаръ, являя собою какую-то смѣсь востока съ западомъ—что-то вроде греческой туниски, въ которой уцѣлѣлъ классическій разрывъ рукавогъ и ворота, но все остальное скрылось подъ пыльнымъ каскадомъ кружевъ, тонкихъ, какъ паутина.

Противъ нея, на низенькомъ пуфѣ, далеко раскинувъ свои длинные ноги, сидѣлъ мужчина. Побробкая поза, поджимъ какого-то елишкомъ уже свободнаго покрова, и сигара въ зубахъ показывали, что господнигъ этотъ очень близко знаетъ блондинку съ мерцающими глазами и очень мало стѣснялся въ ея присутствіи.

Мерцающіе глаза, молочная кожа, обнаженные по локоть и словно выточенные руки—все это повидимому давно уже перестало воехитить его. Сидѣлъ онъ съ кислой и сошной физиономіей человека, передъ которымъ итъ въ данную минуту ровно ничего интереснаго и который поэтому скучаетъ. Въ свою очередь и блондинка съ совершенно одинаковымъ интересомъ смотрѣла и на него и на пестрый ширмъ, который стояли сзади его.

Онъ былъ модный драматургъ, она — извѣстная артистка. Лѣтъ десять подрядъ писалъ онъ съ шумнымъ успѣхомъ пьесы, она съ неменьшимъ успѣхомъ играла въ нихъ. Но мудроно, слѣдовательно, если они знали другъ друга, не стѣснялись и скучили.

— Тоска... проговорила блондинка и откинулась на спинку кушетки.

— Гдѣ? спросилъ драматургъ, не выпуская изъ рта сигары.

— Вездѣ, лѣнливо отозвалась она, — а на сценѣ въ особенннсти... Пьесы глупыя... въ томъ числѣ и ваши...

— Благодарю...

— Да, глупыя, вдругъ оживилась она и поднялась съ подушки, — глупыя! Двѣнадцать лѣтъ, какъ я „наша талантливая“, „несравненная“, „высококадровитая“, а что вы все заставляете меня дѣлать? Кокетничать, капризничать и ломаться, въ двухъ актахъ плакать, въ двухъ смѣяться, а въ пятомъ вѣсѣть на шеѣ у какого нибудь идиота...

— А что бы вы желали дѣлать?

— Все, только не это... Я живой человекъ, съ сердцемъ, съ разсудкомъ, я живу, думаю,—дайте же мнѣ жить и думать и тамъ, на сценѣ, а не дѣлайте изъ меня куклы. Моей портнихѣ вы дасте больше

работы, чѣмъ мнѣ... Вроде вамъ эту кисло-сладкую подливку, пишите не то, что вы пишете...

— А что?

— Ахъ, почему я знаю что? Пишите жизнь, а не водевильныя перокройки... Пишите такъ, чтобъ подняло меня, схватило, увлекло, чтобъ проснулось все, что есть во мнѣ „несравненнаго“, „талантливаго“ и „высокодаришнаго“... Пишите такъ, однимъ словомъ, чтобъ ударило меня по каждому перву, чтобъ позабыла я тряпки, гримасы, а жила... понимаете—жила...

Она хотѣла сказать еще что-то, но совершенно неожиданно успокоилась, опустилась на атласную подушку и лѣтливо пророчица:

— Амъ... да развѣ вы можете!..

— Не могу, согласился драматургъ, — не могу, по стыда по непытываю, ибо и самъ дѣдушка-Шекспиръ не могъ бы... Тутъ, сага mia, римскій Цезарь пужонъ,—тотъ дѣйствительно пьесы такія сочинилъ и было въ нихъ все, чего вы жаждете. Рвали актеровъ тиграми лютые, львами нравѣйшими ихъ травили, пожарами рѣзали. Одобряла публика до неистовства, но... по это было, милая дама, тысячу лѣтъ тому назадъ съ хвостикомъ и съ тѣхъ поръ въ сферѣ зрѣлицъ радикальная перемена — ибѣть римскихъ Цезарей и очень много бутяфорескихъ предметовъ... Что же касается нашихъ пьесъ, то онѣ дѣйствительно могли бы быть лучше...

— И очень, вставила она.

— Да, и очень, но вы, моя прелесть, все также плохо разучивали бы ихъ, а потому—бросимъ говорить о пьесахъ, а перейдемъ къ вашей прелестной особѣ. Я не докторъ, но излечить вашу недугъ могъ бы очень легко. Противъ этой черной меланхолии есть радикальное средство.

— Напримеръ?

— Два обычныхъ свѣчка изъ публики, взамѣнъ грома аплодисментовъ. Вы очень избалованы, милѣйшая, и объѣлисъ овациями...

— Также какъ и вы...

— Да, также какъ и я, уже серьезно согласился драматургъ, — у васъ обонхъ засореніе желудка, и намъ обонхъ нужно одно лекарство... И оно можетъ, увѣрю васъ...

— Не знаю, можетъ быть...

Оба замолчали. Она перебирала кисть кукетки, онъ попыхивалъ сигарой.

— Знаете, прервала она молчаніе, — я вполнѣ понимаю Висповскую...

— То-есть? спросилъ драматургъ и насторожился.

— А вотъ ся романъ съ этимъ мальчикомъ... Вѣдь это тоже пьеса, и она стала сочинять ее потому, что ваши пьесы не удовлетворили ее...

— Ну-съ, и вы тоже способны такъ—смерть подъ улыбку Бахуса и папъвы Амура...

— Ибѣть, поморщилась она,—по что нибудь другое—да...

— А именно?

Она улыбнулась.

— Навный вопросъ! Если-бъ я знала, что именно... Посовѣтуйте...

Онъ слегка качнулъ головой.

— Трудно...

— Почему?

— Да потому, что и я, и вы—оба мы такіе люди, которыхъ, какъ говорится, ни чѣмъ не удивишь... Вамъ тридцать лѣтъ, мнѣ сорокъ, по прожили мы съ вами Мафусановы года. Все мы видѣли и даже руками попробовали, и до полнога пресыщенія дошли до того состоянія, когда „глядѣтъ противно“... Что съ вами будетъ—не знаю, но что я, не сегодня-

завтра, или морфій вепрыскивать начну, или опій глотать—это вѣрно...

Онъ помолчалъ, повертѣлъ свою сигару и не то грустно, не то насмѣшливо улыбнулся.

— Чортъ его знаетъ, какъ подло это все устроено—блага жизни, какъ жандармерія въ „Les brigands“, приходитъ toujours trop tard,—какъ разъ тогда, когда отъ апетита и хвостика не видно...

— Вы знаменитость, я тоже, но сдѣлалисъ мы таковыми тогда, когда измоталисъ до послѣдняго перва, весь дорохъ жизни растратили. Совѣмъ, другое дѣло, если-бъ все это да на свѣжую душу...

— Все равно, отозвалась актриса съ своей кушетки,—тоже самое было-бы... И вообще вы слишкомъ по-писательски на это смотрите, и при удобномъ случаѣ, я увѣждена, непременно эту тираду въ какой-нибудь актъ вставите.

— Вставлю, кивнулъ головой драматургъ, — и всякую дрянь вставляю... А все-жъ таки вы, милая барынька, не правы—такъ это все и есть, какъ я вамъ докладываю... такъ, а не иначе... Хандрите, вотъ, вы, третью недѣлю на афинѣхъ большой значитесъ, однихъ банчиговъ да пуговицъ миллионъ двѣсти тысячъ оторвали, а все почему? Исключительно, милѣйшая вы моя, потому, что зудь-то жизни у васъ по воспоминаніямъ остался, а зубовъ, чтобъ кусать ее и крошить, ибѣть...

— Такъ беззубы я по вашему?

— Морально, carissimo, только морально, ибо такъ у васъ прелестьнѣйшіе зубы... Но въ смыслѣ воспріятія жизни—увы!—вы слабѣй ребенка. Знаете, какъ у нихъ это бываетъ:—„мама, чего мнѣ хочется?“—такъ и у васъ. Хотѣтъ вы можете, но не только удовлетворить этому хотѣнію, а даже приблизительно опредѣлить его не въ состояніи. Да и ибѣть у васъ собственно говоря хотѣнія, а такъ это—рефлексъ былого, и ничего больше...

— Будто?—прищурилась актриса.

— Да ужъ вѣрно, не позволяте беспокоиться...

— Да? Ну, а если я вамъ скажу, что это не такъ, что я не только не беззубая, какъ вы говорите, а зубаста, и даже очень... если я вамъ скажу, напримеръ, что не дальше какъ два мѣсяца тому назадъ я была влюблена, какъ институтка...

Драматургъ махнулъ рукой.

— Э, есть о чемъ говорить! Влюблена! Вы, прелестьнѣйшая изъ женщинъ, по ваша любовь, мой другъ, удивительно сквернаго чекана. Мы настолько старые знакомые, что я могу вамъ это говорить не стѣсняясь. Капризъ очень коротенькій и очень плохо мотивированный,—вотъ ваша любовь. Выразилась языкомъ спортсменовъ, это лансады сердца...

— Что за языкъ!

— Я вамъ говорю—спортсменскій. Онъ грубъ, но цѣлесообразенъ. Вспомните этого грузинскаго князька съ греческимъ профлемъ и американскимъ наслѣдствомъ, или тотъ теноръ—помните?—который пѣлъ баритономъ...

— Вы никакъ не хотите забыть, что критика считаетъ васъ остроумнымъ... Если я вамъ говорю, что была влюблена, то говорю именно то, что хочу сказать... Прежде всего это не грузинскій князь, но теноръ, не молодой талантъ, а... угадайте кто?

Онъ развелъ руками:

— Не берусь... надѣюсь, что не камчатскій мисіонеръ,—это бываетъ значительно позже...

— О, ибѣть! Это былъ...

Она на секунду змялась.

— Каналерійскій вѣношъ? усажнулся онъ.

— Ибѣть—хуже, отвѣтила она.—Это былъ,—ловите тему для водевиля,—безусый студентикъ.

— Carissima! съ комическимъ ужасомъ всплес-

пудъ руками драматурга,—неужели и обидели? Вамъ plus que пятьдесятъ?

— Тридцать два, улыбнулась она, — только тридцать два, но... но уже студентъ, какъ видите. Известно подробностей?

— Очень...

— Извольте... Шла ваша „Тризна“. Меня застали вѣнками, букетами, корзинами и Богъ знаетъ чѣмъ... У подъезда — орація „отъ учащейся молодежи“. Среди нихъ одинъ сказалъ на каретной подожжѣ рѣчь. Представьте—этотъ мальчикъ слѣдилъ у меня тропуть что-то такое, что... чего, однимъ словомъ, не трогали другіе. Черезъ день онъ прѣхалъ ко мнѣ,—оказываетъ, и его знала... Ну, прѣхалъ и сталъ бывать.

— Красивый мальчикъ?

— Очень, но не въ этомъ дѣло.

— А въ чемъ?

— Въ чемъ? Не знаю, но къ этому мальчику я отнеслась совершенно иначе, чѣмъ къ другимъ. Проняла недѣля—я скучала, если его не было. Черезъ двѣ— и не прождала-бы дни, еслибъ онъ не былъ... Черезъ три...

— Вы разетались?

— Нѣтъ... Мы разетались позже — въ тотъ день, когда я впервые оказалась больной на афишѣ...

— Пошламъ—онъ вамъ надоѣлъ...

— Напротивъ, я надоѣла ему...

— Вы?

— Да, я... Вы знаете, я была у него тамъ, на итогъ этапѣ... я плакала, цѣловала ему руки, и... и пустила въ ходъ все то, отъ чего десятый годъ сходить съ ума партнеръ.

— А онъ?

— Онъ не вошелъ... Черезъ два дня его встрѣтили съ какой-то дѣвчонкой,—швейка,—модистка—но знаю, — онъ казался влюбленнымъ до потери чувствъ. И я модистка — какъ вамъ это нравится?... А я, представьте, третью недѣлю зная днемъ, а по ночамъ вижу его во снѣ... Это-ли по любви?

— Любовь, согласенъ драматургъ, — но знаете какой?

И когда она подняла на него свои глаза съ вѣщимъ вопросомъ, онъ докончилъ:

— Аналогичная съ моею... Я страстно люблю гуся съ капустой, и представляете,—гусь мнѣ не любитъ... Да, онъ хочетъ другихъ, мнѣ же избалованныхъ желудковъ... Carissima, мы одинако несчастны и—подадимъ другъ другу руки, прольемъ слезу обоюднаго сочувствія и... и чоконемся вашей мадерой, лучшей изъ всѣхъ мадеръ въ мѣрѣ.

А. Дѣяновъ.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Извѣстный противникъ порнографическихъ безнравствъ сенаторъ Беранже, прованный «стыдливый ненофаромъ», неустанно продолжаетъ свою дѣятельность. Зло, съ которымъ борется почтенный моралистъ, является нынѣ въ трехъ главныхъ видахъ: въ видѣ газеты, улицы и театра. Во всѣ времена, говорить Беранже, существовала безнравственная литература, но искать ее нужно было въ тайныхъ отдѣлахъ библиотекъ; въ настоящее же время она захватила газеты, сначала въ видѣ романа—фельетона, а потомъ заполонила и все содержаніе; рисунки еще болѣе увеличили эту распущенность. Не лучше газетная объявленія. Приведемъ одно, очень характерное: «молодая свѣтская дама, красивая, умная, но не обез-

печенная, — имѣть солидной связи съ богатымъ господиномъ».

Что касается улицы, то тутъ нужно отмѣтить выстанки разныхъ кіосковъ, желѣзнодорожныя библиотеки, затѣмъ афиши, раздачу объявленій, и въ особенности послужку ихъ на домъ. Вотъ въ улицу одно объявленіе, возвышающее о полнеліи новой книги: «Г-жа X, въ своихъ воспоминаніяхъ о сладострастныхъ словахъ и дѣйствіяхъ, описываетъ свою интимную жизнь; нѣтъ ни одной строчки, которая не побуждала бы чувства».

Не лучше и театръ: порнографія сама себя тамъ весьма прочно гнѣздитъ.

Недавно съ нравственными цѣлями, образовалось общество философско-религіознаго воспитанія, послѣднее названіе: «Союза для моральнаго воздѣйствія». Общество это, основанное Полемъ де Жарданомъ и его друзьями, — Шарлемъ Вагнеромъ, Артуромъ Фонтанемъ, Сюлли Прюдомомъ, поставило себя цѣлью подвигнуть нравственнаго идеала въ современныхъ людяхъ. Прошлымъ лѣтомъ общество это расклеило на бульварахъ афиши, которыя были удачно названы *morales et morales* и въ которыхъ были воспроизведены прекрасныя и строгія фрески Пюи де-Шавини: дѣтство св. Женевьевы. Теперь этимъ самымъ обществомъ устроены общедоступныя нравственныя собесѣдованія въ Сорбоннѣ. Но самое любопытное въ этой области, — это женскій театръ, открывающійся черезъ двѣ недѣли. Цѣль его, по-первыхъ, — ставить драматическія пьесы, приуроченныя къ женскимъ требованіямъ; авторами ихъ могутъ быть мужчины или женщины, французы или иностранцы, 2) ставить драматическія произведенія на какіе бы то ни было сюжеты, но исключительно женскихъ авторовъ; 3) устраивать два раза въ мѣсяцъ вечера, которые будутъ посвящаться бесѣдамъ о женскомъ вопросѣ, исполненію музыкальныхъ произведеній исключительно женщинами—композиторш и чтенію женскихъ художественныхъ твореній.

Управленіе этимъ театромъ поручили г. Шарлю Лежю, директору театра поэтовъ; иностранцыи отдѣломъ завѣдуетъ извѣстная своей дѣятельностью по эмансипаціи женщинъ г-жа Марія Шелли. Такимъ образомъ въ мѣсяцѣ въ Парижѣ предстанутъ два интересные вечера. Одно предствленіе состоится также въ августѣ въ Брюсселѣ; по случаю пѣвческаго тамъ быть по время выставки большого женскаго конгресса.

Алфавитный списокъ драматическимъ сочиненіямъ, разсмотрѣннымъ драматическою цензурою и дозволеннымъ къ представленію въ январѣ 1897 года.

На русскомъ языкѣ:

2. Сочиненія, дозволеныя къ представленію съ исключеніями.

51) «Предразсудокъ». Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе А. Шнитцлера. Переводъ съ нѣмецкаго. Л. Фраунфельдеръ.

52) «Приключеніе героя». Комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ Грабовскаго. Либретто г. Майскаго.

53) «Пѣвецъ». Драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи.

54) «Разбойничій притонъ въ лѣсу». Комическая сцена.

55) «Разгулъ цыганъ». Характерная пантомима въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе балетмейстера С. Л. Нижинскаго. Музыка Зоненфельда.

56) «Ревность Барбуилля». Комедія въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе Мольера Переводъ А. А. Федорова-Давыдова.

57) «Сверчокъ домашняго очага». Комедія въ дѣйствіяхъ, изъ повѣсти Чарльза Диккенса). В. Я. Свѣтлова и В. И. Владимірова.

58) «Секреты». Шутка въ одномъ дѣйствіи П. Вельтена Переводъ Нины Корнъ.

59) «Семь Симеоновъ». Польския феерія въ трехъ дѣйствіяхъ, десяти картинахъ. Передѣлалъ изъ извѣстной русской сказки А. Я. Алексѣевъ.

60) «Современныя понятія». Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Ам. Л. Лесевичаго. Посвящается М. Н. Ермоловой.

61) «Старо какъ мѣръ и вѣчно ново». Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе А. І. Шмидгофа.

Провинціальная лѣтопись.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

КИЕВЪ. Наконецъ то послѣ долгаго промежутка времени, наступила «Свѣтлая недѣля»—въ театрѣ Соловцова съ 15-го апрѣля открылся оперный сезонъ. Всѣ съ радостью, за много дней до перваго спектакля, ринулись къ кассѣ, чтобы захватить «мѣстечко», но.. вскорѣ общій энтузіазмъ остылъ, у кассы начала рѣдѣть толпа, ложи и первые ряды партера представляютъ собою картину запустѣнія, одна лишь галерея можетъ гордиться вѣрностью своихъ восторженныхъ посѣдителей и посѣдителей (преимущественно университетской молодежи), несмотря на значительное повышение цѣны.

Почему, спрашивается опера для киевлянъ, такъ слезно тосковавшихъ по ней, потеряла вдругъ свое обаяніе?

Антреприза недоумѣваетъ, винить мѣстную прессу, упрекаетъ публику въ равнодушіе къ прекрасному, музыкальной чаростности и неврѣлости эстетическихъ вкусовъ; а между тѣмъ наступившее охлажденіе является прямымъ слѣдствіемъ вѣлаго ряда причинъ, коренившихся въ самой-же антрепризѣ.

Дѣло въ томъ, что гг. Любинъ и Салтыковъ слишкомъ понадеялись на «авось», но Кіевъ воспитанъ на хорошей музыкѣ, хорошемъ ансамблѣ и приличной постановкѣ оперъ.

Антреприза слишкомъ небрежно отнеслась къ своимъ задачамъ: жиденькій оркестръ, въ которомъ металлъ преобладаетъ надъ струнными инструментами, почти совершенно сформированный, еще не сыгрался, хоръ не спѣлся, вторые и третьи персонажи слабы, билетъ (въ 4 пары) до неприличія плохъ, декоративная сторона и режиссерская часть полны крупныхъ недочетовъ.

Свободны отъ упрека (хотя не всѣ и не воленъ) лишь первые персонажи труппы: г-жи Лякруа, Гарри, Эйгенъ, гг. Давыдовъ, Максаконъ, Петровъ, гастролеры Саллио и Шампань.

Полные сборы дали лишь первыя три оперы («Фаустъ», «Демонъ», «Карменъ»), послѣдующіе спектакли шли при значительныхъ недоборахъ.

Гораздо больше успѣха имѣеть здѣсь товарищество русско-малорусскихъ артистовъ, открывшихъ свои спектакли въ театрѣ сада «Шато-де-флеръ», также 15-го апрѣля. Дружный хоръ, обладающій хорошими голосами, заправскіе танцоры, превосходный ансамбль, непоминающій нѣсколько собою пресловутыхъ «мейнингенцевъ», дивовитые премьеры, среди которыхъ особенно выдѣляется г-жа Зарицкая разносторонностью своего таланта—все это способствуетъ тому, что публика съ охотой идетъ къ «малороссамъ».

Въ составъ труппы входятъ артистки г-жи Зарицкая, Крипская, Чарновская, Рисица, Коханская и др. и артисты: гг. Суслевъ, Суходольскій, Шатковскій, Каганецъ, Запорожскій, Рудиковъ и др.

САРАТОВЪ. На интереснѣхъ и симпатичнѣхъ товарищескихъ началахъ учреждается въ Саратовѣ народный театръ. По словамъ «Саратовскаго Дневника», кружокъ соединившихся съ указанною цѣлью лишь, призналъ необходимымъ организовать все дѣло на свои средства, безъ всякой субсидіи отъ города, отремонтировавъ на свой же счетъ и самое зданіе театра (въ саду Серве), оставивъ его декорациями и сидѣльями для публики; приобрести нужныя для того средства 1500 руб. займомъ, раздѣливъ всю сумму на 150 паевъ по 10 руб. каждый и реализировавъ, такъ сказать, весь капиталъ мелкими суммами. Кружокъ учредителей саратовскаго народного театра долженъ составить отдѣленіе одного изъ существующихъ въ Саратовѣ обществъ: изящныхъ искусствъ, или трезвости (послѣднее, пожалуй, даже удобнѣе...) Спектаклей въ теченіе іюня, іюля и августа мѣсяцевъ предполагается пока всего на-всего до 20, съ валовой выручкой до 3000 р. и съ вечерними расходами въ 1120 руб. (по 56 руб. на вечеръ), такъ что чистая прибыль по сметѣ должна простираться до 1880 руб., чѣмъ и покроется первоначальная затрата 1500 р. Излишекъ-же, а равно прибыль отъ буфета и случайныхъ доходовъ пойдутъ на вознагражденіе профессиональныхъ актеровъ, которыхъ комитетъ рекомендуетъ имѣть въ числѣ всего двухъ-трехъ, для режиссирования, обученія молодыхъ любителей и самой игры. Намѣченъ и репертуаръ изъ русскихъ и переводныхъ произведеній. По подсчету саратовскихъ любителей-артистовъ, получился довольно длинный списокъ, до 70 лицъ, которые примутъ непосредственное участіе въ народномъ театрѣ. Посмотримъ, какъ осуществится эта довольно обширная и чрезвычайно симпатичная затѣя.

ЖИТОМІРЪ. Въ теченіи лѣтняго сезона, здѣсь, въ саду «Эльдорадо», будетъ издвигаться драматическая и опереточная труппа подъ управленіемъ артиста Г. С. Галицкаго. Составъ труппы: Тарская, Галицкая, Виноградская, Владимірова, Галицкій. Похилевичъ, Владиміровъ, Дмитревскій и др. Театръ «Эльдорадо» сталъ теперь случайно единственнымъ лѣтнимъ театромъ въ городѣ, такъ какъ другой театръ въ саду «Ренессансъ», который приобрѣтилъ духовнымъ

вѣдомствомъ подлѣ монастырь, ео ipso уничтоженъ; театръ же въ саду «Эрмитажъ» пришелъ въ полную негодность и новый, взаменъ его, будетъ построенъ лицомъ, заарендовавшимъ садъ на 12 лѣтъ вѣроятно, не ранѣе будущаго лѣта. Все это заставляетъ думать, что дѣла труппы г. Галицкаго должны быть успѣшны. Что касается зимняго сезона, то составъ драматической труппы г. Любова, которая вѣдь будетъ подвизаться въ началѣ сезона, до открытія оперныхъ спектаклей, уже опредѣлился. Сюда войдутъ: Токренъ, артистка знакомая житомірской публикѣ и пользовавшаяся здѣсь симпатіями, Писаревъ, Ромашовская, Холмская (?) Никитина, Николаева, Зорина, Любовь (онъ-же режиссеръ), Волковскій, Дагмаровъ, Холмшъ, Кречетовъ, Вахмановъ, Воде, Ильченко и другіе.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о заканчивающей свои спектакли въ зимнемъ городскомъ театрѣ малорусской труппѣ подлѣ управленіемъ г. Ивася-Морозъ. Труппа не богата выходящими силами. Исключеніе составляютъ гг. Ванченко-Писаревъ, Ивася-Морозъ, да г-жи Марченко и Костенко. Что касается участвующей въ труппѣ Галицкой артистки Фицнерины, то это, безспорно хорошая артистка на роли наивныхъ, дѣтски простодушныхъ «дичицъ». Въ оперѣ можно поставить ей только недостатокъ—огня, который отличаетъ южно-русская женщина. Изъ Житомира труппа г. Ивася ѣдетъ въ Москву, куда приглашена въ театрѣ «Фантазія».

Мал. Дл.

ИРКУТСКЪ. Открытіе новаго городского театра послѣдуетъ 30-го августа. Антрепренеромъ театра А. А. Кравченко сформирована уже труппа для драмы, оперы и оперетты въ слѣдующемъ составѣ: драматич. любовникъ-герой—В. М. Яновъ драматическій резонеръ-герой—А. А. Кривченко, салонный резонеръ и баритонъ—С. Я. Семеновъ-Самарскій, резонеръ и характерный роли—П. Т. Абрамовъ, комикъ-резонеръ—И. А. Блажевъ, любовникъ—Е. Е. Рудиковъ, комикъ—С. И. Соновскій, теноръ—Д. Х. Южинъ, простаки—П. И. Петровскій и Н. Н. Васильевъ, вторыя роли—С. С. Строевъ, драматическая героиня—Е. М. Любарская, сопрано—А. Н. Стефанн-Варгина, инженеръ-драматикъ—А. П. Андросовъ, меццо-сопрано—О. А. Рыбчинская, инженеръ-комикъ и водевилы—М. К. Палъ, пожилая графиня-дамъ—А. К. Дубровская, комическая старуха—Е. И. Легать, бытовые роли и 2-я опереточная—Е. П. Малшова, вторая инженеръ—С. П. Азанченская, капельмейстеръ—г. Гавриловъ, помощникъ режиссера—г. Соболевъ, сфюллеръ—г. Ивановъ. Главный режиссеръ въ драмѣ—г. Яновъ, въ оперѣ и опереттѣ—г. Кравченко. Новый антрепренеръ—г. Кравченко пользуется большой любовью иркутской публики; онъ служилъ четыре сезона въ антрепризѣ г. Вольскаго.

АРХАНГЕЛЬСКЪ. Лѣто. Драма Антреприза И. Л. Арканова. Составъ труппы: героиня—г-жа Покровская-Волгина, инженеръ-драматикъ—г-жа Волынская, инженеръ-ком. и водевилы—г-жа Попова, графиня-дамъ и старуха—г-жа Стругина, 2-я старуха—г-жа Горшенкова, 2-я инженеръ—г-жа Аксакова, 2-я роли—г-жи Орлова, Борисова, Петрова. Драматическій любовникъ и герой—г. Аркановъ, драматическій резонеръ—г. Рубинскій, любовникъ-фатъ—г. Корсаковъ, 2-й любовникъ и простаки—г. Людомировъ, комикъ и характерныя роли—г. Арсеньевъ, комикъ-резонеръ—г. Половцевъ, 2-й резонеръ—г. Борисовъ, 2-я роли—гг. Савельевъ, Волоцкий и Фуссъ. Режиссеръ—г. Рудинскій, помощникъ режиссера г. Фуссъ, сфюллеръ—г. Петровъ.

БѢЛОСТОКЪ. Лѣто. Драма. Товарищество Н. В. Соколова. Женскій персоналъ: г-жи Зайцева, Губорская, Аллинская, Пронцова, Дальская, Кузнецова, Никитина. Мужской персоналъ: гг. Гринъ, Мирскій, Кузнецовъ-Ершовъ, Шамардинъ, Строевъ, Полинъ, Никитинъ, Даниловъ и Школьскій.

СУМЫ. Лѣто. Драма Антреприза Г. Г. Леонова. Составъ труппы: С. С. Томшева, Л. М. Старницкая, Л. Р. Зелинская, С. Н. Подгурская, П. Л. Орлова, Т. К. Шастаевъ, В. Н. Туслубьева, М. П. Невѣрова, М. С. Лебедева, Е. Ф. Павленковъ, М. Ф. Леяскій-Самборскій, В. Ф. Ромашковъ, И. А. Орловъ, Д. В. Карауловъ, Б. Е. Цвѣтковъ, М. И. Любинъ, Г. І. Леоновъ, П. М. Марковъ, А. С. Новиковъ, сфюллеръ Н. Л. Орлицкая, помощникъ режиссера А. С. Степановъ, декораторъ П. М. Марковъ.

САРАТОВЪ. Лѣто Садъ Очкина. Оперетта. Антреприза В. А. Перовскаго. Составъ труппы: Г-жи Марченко, Шуваловская, Люценко, Перовская, Калиновская, Вохминцева, Пушкарцева, Миловидовъ, Гг. Бобринскій, Туманскій, Семеновъ-Самарскій, Судьбининъ, Болдыревъ, Пушкаревъ, Адовскій, Коганъ, Кацъ, Васильевъ, Матасовъ, режиссеръ В. А. Перовскій, капельмейстеръ А. А. Тонни.

СЕВАСТОПОЛЬ. энергичный инспекторъ Севастопольскаго театра Л. Я. Разумный съ 15-го Августа сдѣлъ городской театрѣ антрепренеромъ Николаевскаго театра А. Г. Лярову и П. П. Ивановскому, которые и начнутъ здѣсь спектакли съ труппой, составленной ими на зимній сезонъ для Николаева. Въ ряду намѣченныхъ къ постановкѣ пьесъ войдутъ, между прочимъ, выдающіяся ловинки сезона и самыя интересныя, неизгнанныя еще здѣсь никогда пьесы Графа Ал. Толстаго «Смерть Іоанна Грознаго» и «Царь Борисъ». Для

исполненіи заглавныхъ ролей въ этихъ пьесахъ Г. Г. Ивановскій и Айровъ пригласилъ бывшаго артиста Императорскихъ Московскихъ и Петербургскихъ театровъ Н. Ф. Вранченко-Тройницкаго который съ выдающимся успѣхомъ въ пятнадцатомъ весеннемъ сезонѣ исполнилъ въ Москвѣ роль Іоанна Грознаго. Кроме Г. Г. Ивановскій и Айровъ въ настоящее время усиленно хлопочуть о разрѣшеніи имъ къ постановкѣ въ Севастополѣ и Николаевѣ, надѣлавшей въ свое время много нум. 4 известной пьесы Рихарда Гауптмана «Ганселе», причѣмъ для исполненія роли Ганселе ими приглашена артистка г-жа Озерова, обратившая на себя вниманіе столичной прессы при первомъ появленіи въ театрѣ Литературно-артистическаго кружка.

Въ СЕВАСТОПОЛѢ, въ воскресенье 27 апрѣля, въ присутствіи и градоначальника совершена закладка народнаго театра съ чайной и столовой. Театръ устраиваетъ попечительство о народной трезвости на 500 зрителей.

КИШИНЕВЪ. (Народный театр). Избраннымъ думою театральнаго комиссія, въ послѣднее время, съ особеннымъ рвеніемъ принялась за разработку и рѣшеніе вопроса о постройкѣ театра. Въ послѣднемъ засѣданіи театральнаго комиссія, между прочимъ, приняла участіе гастролирувавшей въ Кишиневѣ В. П. Далматовъ, который приглашенъ былъ въ комиссію для иѣкоторыхъ практическихъ соображеній. Городской голова К. А. Шмидтъ, председатель театральнаго комиссія, получилъ недавно отношеніе нижегородскаго головы, ревностнаго сторонника чисто народнаго театра. Въ своемъ отношеніи, нижегородскій голова доказывается, что, при готовомъ зданіи, городскія управленія могутъ сами содержать прекрасную драматическую труппу, которая обходилась бы не болѣе 3000 р. въ мѣсяцъ. Смѣта составленная г. Далматовымъ вполнѣ убѣдила комиссію, что на 3000 р. въ мѣсяцъ смѣло можно содержать неограниченную труппу, тѣмъ болѣе, что артисты гораздо охотнѣе пойдутъ на службу къ городу, чѣмъ къ антрепренеру, котораго, въ случаѣ краха, ничего не платитъ. Театральная комиссія высказывается за такой типъ театра, который болѣе всего подходитъ къ народному. Къ этому особенно стремился также комиссія народныхъ чтеній. Какъ слышно, комиссія не прочь вложитъ въ дѣло и свои капиталы, довольно, впрочемъ, незначительныя.

Новый Иркутскій театръ на будущій зимній сезонъ слѣдуетъ артисту А. А. Кравченко, для спектаклей драматическихъ и опереточныхъ. Въ число артистовъ приглашены при посредничествѣ Театральнаго Бюро известная Москвитка г-жа Стефанія-Варгина и молодая артистка на роли комическихъ старухъ г-жа Легатъ.

Съ Пасхи отправилось изъ Москвы въ артистическое путешествіе товарищество оперныхъ артистовъ, сформированное въ Театральномъ Бюро, въ слѣдующемъ составѣ: г-жи Кутузова, Зеленая, Арсентьева, гг. Девиклеръ, Островиковъ, Гартковъ 2, канцелямейстеръ Зеленый. Маршрутъ товарищества слѣдующій: Томскъ, Красноярскъ, Иркутскъ, Барнаулъ, Енисейскъ, Омскъ, Капскъ, Челябинскъ, Златоустъ, Уфа, Самара, Сызрань, Саратовъ. Товарищество будетъ давать концерты, ставить сцены изъ оперъ, и гдѣ окажется возможнымъ, поила оперы. Передовымъ распорядителемъ товарищества приглашенъ Н. М. Медвѣдевъ.

Рыбинскій лѣтній театръ на май и юнь слѣдуетъ Театральнымъ Бюро товариществу малорусскихъ театровъ подъ управленіемъ П. С. Мировъ-Белюха.

Старый городской театръ въ Нижнемъ-Новгородѣ (бывшій Н. Фянгера), приобретенный Н. А. Бугровымъ, пожертвовать, какъ сообщаютъ мѣстные газеты, новымъ владельцемъ городу. Жертвователю не ставитъ никакихъ условій городу и представляетъ самой думѣ опредѣлить назначеніе театра.

По всей вѣроятности, театръ будетъ приспособленъ для народныхъ спектаклей.

Справочный отдѣлъ.

1. Артисты, ищущіе ангажемента.

А. П. Суханова, волеизъявившая съ иѣніемъ— свои оркестровки на полный большой оркестръ (большой репертуаръ).

В. Н. Миновичъ—помощникъ режиссера и комикъ-простакъ (служилъ помощн. режиссера въ театрѣ Литературно-артистическаго кружка 2 года).

Свободны на предстоящій зимній сезонъ, желательно вмѣстѣ и въ антреприву. Предложенія просятъ адресовать въ редакцію журнала „Театръ и Искусство“.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „Театръ и Искусство“.

Близкѣйшее участіе въ журналѣ принимаетъ А. Р. Кугель.

Въ журналѣ сотрудничаютъ слѣдующія лица:

Авѣенко В. Г., Александровъ П. А., Амфитеатровъ А. В., Арбенникъ Н. Ф., Баступовъ Э. Д., Венетовъ В. П., Арсеній Г., Габриловичъ Г. С., Генкевъ В. Г., Гиндичъ П. П., Голлицыиъ ии. Д. П. (Муравлинъ), Далматовъ В. П., Далыковичъ В. М., Ивановъ М. М., Карповъ Е. П., Кирозовскій П. М., Козловичъ М. М., Крапченко Н. П., Кугель А. Р., Маминъ-Сибирякъ Д. П., Немировичъ-Далченко Вл. П., Плотцевъ А. А., Потапенко П. П., Преображенскій В. П., Пр. Сакетти, Созомко С. С., Селивановъ Н. А., Сироматниковъ С. П., Тихоновъ В. А., Федоровъ А. М., Федоровъ М. П., Федоровъ-Юрковскій Ф. А., Фругъ С. Г., Шуфъ В. А., Эфросъ Н. Е., Успенскій І. І. и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

съ доставкой и пересылкой: на годъ 6 р., на полгода 3 р.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка:

при подпискѣ 2 руб. и по 2 руб. 1-го марта и 1-го июня.

Подписка принимается: въ магазинѣ Попова и другихъ извѣстныхъ петербургскихъ книжныхъ магазинахъ, въ библиотекѣ Волкова-Семёнова, въ „Театральномъ отдѣлѣ „Новостей“ и въ конторѣ редакціи (Кабинетская, 12), въ Москвѣ у Н. Печниковой, въ конторѣ „Новостей дня“ и въ театральномъ справочномъ Бюро. Нижегородцы благоволятъ обращаться въ главную контору: С.-Петербургъ, Кабинетская, 12, кв. 7.

Ред.-издат. Э. Тимофеева (Холмская).

Въ книжныхъ магазинахъ „Нов. Времени“, „Новостей“, Фену, Ледорудъ, Попова, Карбацникова и др. имѣется въ продажѣ книга:

ВОПРОСЫ ВЫРАЗИТЕЛЬНОГО ЧТЕНІЯ.

Ю. Э. ОЗАРОВСКАГО.

Цѣна. 1 руб.

1

ДЕПО

РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО.

ОТДАЮТСЯ
ИНСТРУМЕНТЫ

и

ПРОКАТЬ.

ПРИНИМАЕТЪ
ПОЧИНКУ
РОЯЛЕЙ
и
ПИАНИНО.

Карлъ Карловичъ Бермансонъ

Владимірскаго проспекта, домъ № 7, квартира № 8.
32—(5—5)

ВАЖНО ДЛЯ Г-ЖЪ АРТИСТОКЪ.

Пятая по послѣднимъ парижскимъ и вѣнскимъ журналамъ. Заказы исполняются въ 24 часа. Цѣны умѣренныя. Литейный пр., д. 15, кв. 2. Вель-этажъ противъ Главнаго Казначейства (30) — 12

Въ конторѣ журнала „Театръ и Искусство“ продаются слѣдующія пьесы:

„Трильби“. Ц. 1 р. 50 к.

„Водоворотъ“ В. Авѣенко. Ц. 1 р. 50 к.

„Катастрофа“ А. Будницена и А. Федорова. Ц. 1 р. 50 к.

„Наканунъ“ А. Плещеева. Ц. 60 к.

„Нѣтъ худа безъ добра“ Пальерона. Ц. 50 к.

Выписывающіе изъ конторы за пересылку ничего не платятъ. При выискѣ пяти пьесъ дѣлается уступка въ 30%.

Ред.-издательница Э. Тимофеева (Холмская).